

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

11

**МОСКВА
ИПО — МАНУФАКТУРА
2010**

Редакционная коллегия:
д. и. н. С.В. Алексеев (главный редактор),
к. и. н., доц. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
к.и.н., доц. Г.А.Елисеев, к.и.н., с.н.с. (доц.) О.И.Елисеева,
к.пол.н., доц. А.Б.Шатилов, к.и.н., доц. Н.И.Шматова, к.и.н. Г.С.Амрахова

*При оформлении обложки использована фотография И.Н.Станковой:
Храм «Николы Мокрого» в Муроме*

Историческое обозрение. Вып. 11. М.: ИПО — ЗАО «Мануфактура», 2010. — 64 с.
Одиннадцатый выпуск ежегодного альманаха Историко-просветительского общества
включает научные работы по истории, исторической психологии, истории экономики.

ISBN 978-5-93084-043-8 (Вып. 11)

© Коллектив авторов, 2010

Подписано в печать 26.03.2010. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИНКОВ А.А. ВАСИЛЬКО И ВОЛОДАРЬ РОСТИСЛАВИЧИ — ПРЕДКИ ГАЛИЦКИХ КНЯЗЕЙ	4
ВОЛОДИХИН Д.М. НЕ ЗА СОВЕСТЬ, А ЗА СТРАХ: ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА СТАРИЦКОГО НА ОПРИЧНОЙ СЛУЖБЕ.....	14
МАРЧЕНЯ П.П. АЛКОГОЛЬ КАК ФАКТОР РУССКОЙ СМУТЫ: НА МАТЕРИАЛАХ 1917 ГОДА	27
АЛЕКСЕЕВ С.В. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА 2008-2010 ГГ.: ПРОГНОЗЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, РЕАЛИИ	40
<i>НОВЫЕ ИМЕНА</i>	
ЧЕХОВСКАЯ С.А. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ХЕРСОНЕСА НА КОНТАКТЫ С ЕГИПТОМ В ПЕРИОД С IV ПО I ВВ. ДО Н. Э.	45
ФЕДОРЕЦ А.И. ИСПОВЕДНЫЕ ВЕДОМОСТИ XVIII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)	51
<i>КРИТИКА</i>	
АЛЕКСЕЕВ С.В. ОПЫТ НАУЧНОЙ АГИОГРАФИИ.....	59
АЛЕКСЕЕВ С.В. ГОЛОСА ЭПОХИ	63

А. А. ИНКОВ
ВАСИЛЬКО И ВОЛОДАРЬ РОСТИСЛАВИЧИ —
ПРЕДКИ ГАЛИЦКИХ КНЯЗЕЙ

Биографии князей Рюрикова дома издавна вызывают живой интерес исследователей. По вполне понятным причинам наибольшее внимание, как правило, при этом привлекают деяния правителей первой величины — великих киевских князей, видных государственных и политических деятелей, крупных реформаторов, выдающихся военачальников. Однако нельзя забывать, что исторический фон, на котором разворачивалась их деятельность, зачастую был подготовлен трудом поколений их менее известных предшественников, которые нередко также оставляли заметный след в истории. Данная статья представляет попытку осветить некоторые вехи биографии одних из таких предшественников, предков галицких князей Володаря и Василька Ростиславичей.

Происхождение князей Володаря и Василько Ростиславичей восходит к Владимиру, старшему сыну киевского князя Ярослава Мудрого. Известность Владимир Ярославич снискал во время печально знаменитого похода русской рати на Константинополь в 1043 году. Возглавляемый им флот русов почти полностью был уничтожен византийцами, но Владимиру с горсткой уцелевших воинов удалось разбить преследовавший его отряд и вернуться на Русь. С 1036 г. Владимир являлся наместником в Новгороде, втором по значению после Киева городе Киевского государства, то есть фактически признавался наиболее вероятным претендентом в новые правители Руси после смерти своего отца Ярослава. Однако Владимир умер так и не дождавшись великого княжения. Через несколько месяцев после его смерти умер и его отец Ярослав. Смерть отца и деда неблагоприятным образом отразилась на судьбе единственного сына Владимира Ростислава. В соответствии с лествичным правом, определявшим порядок наследования власти в роду Рюриковичей, дети правителя, который при своей жизни не был великим киевским князем, лишались права когда-либо претендовать на киевский стол. Юный Ростислав потерял права не только на отцовские земли, но и стал князем-изгоем, поскольку его интересы теперь некому было защищать. Когда по завещанию Ярослава в 1054 году его пятеро оставшихся к тому времени в живых сыновей разделили между собой Древнерусское государство, о Ростиславе, сыне Владимира, никто из них даже не вспомнил.

Несколько лет Ростислав жил, возможно, при дворах своих могущественных дядьев, тщетно добиваясь от них получения удела. Но у Ярославичей подрастали собственные сыновья, которые также нуждались в уделах. Так и не добившись наделения уделом, Ростислав в 1064 году с ватагой таких же, как он, изгоев бежал на юг в Тмутаракань, где правил в это время сын черниговского князя Святослава Глеб Святославич. Ростислав выгнал Глеба и сел князем в Тмутаракани¹. В следующем 1065 году дружины черниговского князя Святослава Ярославича выбили Ростислава из Тмутаракани и восстановили на тмутараканском столе Глеба. Однако как только Святослав возвратился на Русь, Ростислав снова занял город. Очевидно, в конце концов сын Владимира был признан своими дядьями тмутараканским князем и, возможно, даже получил от них какую-то военную помощь для борьбы против греков и населявших Северный Кавказ

¹ Как полагают историки, захват Ростиславом Тмутаракани мог быть организован торгово-ремесленной верхушкой города, которая тяготилась зависимостью от Чернигова и стремилась обзавестись собственным князем, способным возглавить борьбу Тмутаракани против конкурирующих с ней на торговых путях Северного Причерноморья греческих колоний Крыма. См. подробнее в кн.: Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины с древнейших времен до середины XIV столетия. М., Л., 1940. С. 161 — 163.

племен касогов и ясов. По словам летописца, Ростислав «ссядзю въ Тмутарокани и емлющи дань въ Гасокъ и в иных странахъ»².

Энергичная внешняя политика Ростислава не пришлась по вкусу византийцам, давним конкурентам Тмутаракани в Северном Причерноморье, и в 1066 году на пиру они отравили слишком деятельного князя. Тмутараканью вскоре вновь овладел Святослав Ярославич. Вдова Ростислава с тремя сыновьями Рюриком, Володарем и маленьким Васильком вернулась на Русь ко двору своих могущественных родственников. Киевский князь Изяслав Ярославич сжалился над сиротами и дал им во владение два городка Перемышль и Теробовль, расположенные на западной окраине русских земель³. По-видимому, княжества это были тогда настолько захудалые и малолюдные, что в 1081 году средний из братьев Володарь бросил свой удел и ушел княжить обратно в Тмутаракань. К походу на Тмутаракань присоединился его двоюродный брат туровский князь Давид Игоревич, который, по-видимому, также был недоволен своим уделом. Володарь и Давид изгнали правившего в городе посадника киевского князя боярина Ратибора и сели в Тмутаракани князьями⁴.

Правили братья не долго. Примерно через год Тмутараканью овладел при помощи византийцев еще один князь-изгой Олег Святославич, который учинил в городе разгром хазарской общины, когда-то предавшей его и отправившей в ссылку в Византию⁵. Давид и Володарь попали в плен, но Олег вскоре с ними помирился и отпустил на Русь. Но и возвращаться в свои прежние владения князья-неудачники также не хотели. В 1083 году подойдя к границам Руси, они взяли изгоном крупный город Владимир на Волыни, заставив бежать его незадачливого князя Ярополка Изяславича в Киев. Там Ярополк нажаловался на самоуправство братьев киевскому князю Всеволоду Ярославичу, который решил вступить за племянника и направил на Волынь войско во главе со своим сыном Владимиром (будущий великий князь Владимир Мономах) с приказом восстановить Ярополка в его правах. Владимир выбил Давида и Володаря из Владимира-Волынского и посадил Ярополка обратно на волынский стол⁶. Однако это не внесло успокоения на Руси. Давид Игоревич бежал в низовья Днепра и занялся там пиратством. Вскоре он настолько преуспел в своем занятии, что полностью сделал непрохо-

² Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. II. М., 2001. Стб. 155.

³ Время и обстоятельства получения Ростиславичами владений в Галицкой земле не совсем ясны. Высказывалось мнение о том, что Теробовль и Перемышль в качестве удела впервые мог получить еще их отец Ростислав Владимирович, который ушел отсюда в 1064 г. править в Тмутаракань. Считать так позволяет то обстоятельство, что Ростислав не мог захватить сильное в военном отношении Тмутараканское княжество, не имея значительной материальной и людской базы на Руси. Такой базой, по-видимому, и могла быть Галичина, если она была передана Ростиславу его дядьями при разделе Древнерусского государства в 1054 г. В таком случае после смерти Ростислава его семья возвратилась из Тмутаракани в свое старое галицкое владение, остававшееся за нею со времен смерти Ярослава Мудрого. Другие историки отодвигают закрепление галицких земель за Ростиславичами на время не ранее начала княжения в Киеве Всеволода Ярославича (1076 г.). Однако эта точка зрения может быть оспорена известием В.Н. Татищева, сообщающим под 1077 г. об участии Ростиславичей на стороне Изяслава Ярославича в усобице против киевского князя Всеволода Ярославича. Вторгшийся со стороны Польши на Волынь Изяслав заключил союз с Ростиславичами, правившими в пограничных землях, и получил от них военную помощь для дальнейшего похода на Киев. Если бы братья получили свои уделы от Всеволода, от них следовало бы ожидать большей стойкости в защите действующего киевского князя. Переход Ростиславичей в самом начале усобицы на сторону Изяслава позволяет считать, что свои владения они, скорее всего, получили от него в его бытность киевским князем, и поэтому считали себя обязанными помогать ему в борьбе за возвращение киевского стола. В целом, образование Теробовльского и Перемышльского княжеств, очевидно, следует относить ко времени не позже 1073 г., когда Изяслав был изгнан из Киева своими братьями Святославом и Всеволодом Ярославичами.

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 196.

⁵ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1994. С. 76.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 196.

димым для купеческих караванов знаменитый торговый путь «из Варяг в Греки». В конце концов, Всеволод посчитал выгоднее для себя замирился с племянником и дал ему в удел город Дорогобуж⁷.

Во второй половине XI века Волынь и Галичина походили на пороховой погреб. Большинство правивших здесь князей были Ярославичами во втором или третьем поколении, отцы которых умерли до того, как для них освобождался великий киевский стол, и, следовательно, по существующему лествичному праву их дети также не могли рассчитывать на престижные княжеские столы. Удаленные от богатых районов Среднего Поднепровья галицко-волынские земли служили для них своего рода ссылкой, куда правивший киевский князь Всеволод Ярославич старался перевести всех по каким-либо причинам неудобных ему князей. В своих новых владениях эти князьки чувствовали себя неуютно. К тому же большинство уделов по своим размерам были небольшие, не имели устойчивых и определенных границ, что приводило к постоянным территориальным спорам между их владельцами⁸. По словам летописца, особенно много хлопот доставляли великому князю Всеволоду Ярославичу его многочисленные племянники в последние годы его жизни, когда стареющий князь уже не мог, как раньше, железной рукой управлять русскими землями.

Особенно беспокойным нравом отличались Ростиславичи. Привыкшие с детства скитаться по чужим землям, они никак не хотели жить спокойно в своих землях. К активности подталкивала в значительной степени сама обстановка беспокойного пограничья. Теревовль и Перемышль с трех сторон были зажаты враждебными соседями: Польшей и Венгрией с запада, с юга — Византийской империей, имевшей с Русью давние территориальные споры из-за подунайских городов, с юго-востока — половецкой степью, время от времени выплескивающей на русские земли орды кочевников. Появились враги у Ростиславичей и среди русских князей, чему виной, в значительной степени, были их растущие военные приготовления. Особенно на Ростиславичей был зол волынский князь Давид Игоревич, перешедший править из Дорогобужа во Владимир-Волынский после смерти его прежнего владельца Ярополка Изяславича. Братья не только отказывались подчиняться ему как старшему князю в Юго-Западной Руси, но и грозили выгнать из его владений. Ходили слухи и о причастности Ростиславичей к убийству прежнего волынского князя Ярополка Изяславича, подтверждением чего служило бегство убийцы в Перемышль⁹. Подозреваемый в организации убийства Ярополка перемышльский князь Рюрик Ростиславич, к счастью, вскоре умер, и Ростиславичам удалось замять дело.

Чтобы подчинить своей власти Ростиславичей, Давид искал помощи в Киеве, но там до поры до времени не обращали на его жалобы внимания. Тем временем, возгордившиеся от своей безнаказанности Ростиславичи уже и авторитет киевского князя перестали уважать. Когда Всеволод, склонный к мирному разрешению конфликтов, послал им предложение помириться с Давидом, Володарь, перешедший править в Перемышль после смерти Рюрика, и Василько, ставший князем в Теревовле, ответили киевскому князю грубым отказом. В 1088 году терпение Всеволода Ярославича истощилось окончательно, и он лично возглавил карательный поход против Ростиславичей. Войско киевского князя вместе с присоединившимися к нему дружинами переяславского и черниговских князей пошло к Теревовлю и Перемышлю. Демонстрация военной силы быстро остудила головы зарвавшихся князей, и близ городка Свинограда они явились с

⁷ Там же.

⁸ Головки А.Б. Земли западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X — первой трети XII века // Киев и западные земли Руси в IX — XIII вв. Минск, 1982. С. 40.

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 198.

повинной в лагерь великого князя¹⁰. Расположенный к миру Всеволод простил племянников, но стоило ему уйти с войском в Киев, как Ростиславичи опять принялись за старое.

Доставалось в это время от Ростиславичей не только русским князьям, но и иноземным соседям — полякам, венграм, византийцам, половцам, — с которыми братья, часто без разрешения великого князя, вели войны, стремясь расширить свои владения за счет захвата соседних земель. Однако было бы неверно считать, что эти войны велись только ради желания пограбить. Из-за огромных размеров Древнерусского государства великий киевский князь не мог своевременно реагировать на быстро меняющуюся обстановку на границах. Поэтому правившим в пограничье князьям нередко приходилось самим брать на себя инициативу по защите русских рубежей. Ростиславичи надежным щитом прикрывали с запада Русь от набегов поляков и венгров. В целом же их внешняя политика вписывалась в общую картину внешней политики Киевской Руси, в которой жестокие войны чередовались с годами относительно мирного сосуществования с соседними государствами и народами.

Не случайно именно ратные подвиги в деле обороны страны снискали Ростиславичам популярность среди русского населения. К концу XI века они становятся одними из наиболее влиятельных русских князей, несмотря на то, что их княжества во много раз уступали по размерам землям киевского и черниговского князей.

Согласно летописным данным, Ростиславичи строили обширные военные планы по объединению под своей властью всей Восточной Европы. Особенно воинственным был младший из братьев Василько Ростиславич, который собирался, заключив союз с кочевавшими в южнорусских степях печенегами и берендеями, идти «на зиму и лето в Польшу и взять всю землю Лядскую». Затем он хотел подчинить дунайских болгар, разгромив попутно Византию. После чего собирался просить у Святополка Киевского и Переяславского князя Владимира Мономаха войско для того, чтобы напасть на половцев: «либо налезу себе славу, либо главу свою сложить за Русьскую землю»¹¹. Воинственность и властолюбие Ростиславичей вызывали вполне понятное беспокойство при дворах польского короля и византийского императора.

В 1092 году на Русь пришла беда. Началось все с небывалой засухи, уничтожившей урожай крестьян. Из-за жары выгорели травы, пересохли многие болота и реки, вспыхнули лесные пожары. Природная катастрофа усугубилась вторжением в русские земли половецких орд, кочевья которых также пострадали от засухи. Половцы прорвали линию русских застав в Левобережье Днепра и опустошили Переяславское княжество, где захватили и сожгли три городка: Прилуки, Посечен и Устье¹². Подошли половцы и к юго-западной границе Руси, но Васильку Ростиславичу удалось уговорить их, объединив силы, напасть на земли польского короля¹³, меньше пострадавшие от засухи и сулившие обеим сторонам большую добычу. Результаты этого похода неизвестны, но ясно, что он был выгоден Ростиславичам, которые не только уберегли свои земли от половецкого грабежа, но и, столкнув половцев с поляками, ослабили силы обоих своих наиболее опасных противников.

В следующем 1093 году половцы вновь собрались в большой поход на Русь, когда услышали о смерти киевского князя Всеволода Ярославича и решили направить к новому киевскому князю Святополку Изяславичу посольство с предложением мира. Вместо заключения мира новый киевский князь приказал посадить послов в тюрьму. В

¹⁰ Татищев В.Н. История Российская. В 3-х т. Т. II. М., 2003. С. 99.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 240 — 241.

¹² Татищев В.Н. Указ. соч. С. 100.

¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 208.

ответ половцы начали крупномасштабное наступление на Русь, осадили и взяли штурмом город Торческ в среднем течении реки Рось.

С этого времени половецкие набеги на Русь повторялись почти ежегодно. Половцы жгли и грабили города и деревни, вытапывали посевы, уводили в плен население. Война с кочевниками чередовалась усобицами русских князей, которые никак не могли уладить между собой раздиравшие их территориальные споры.

Наконец, в 1097 году шесть наиболее влиятельных русских князей: Святополк Изяславич Киевский, Владимир Всеволодович (Мономах) Переяславский, черниговские князья Олег и Давид Ольговичи, волынский князь Давид Игоревич и Василько Ростиславич Теробовльский собрались на съезд в небольшом черниговском городке Любеч на Днепре. Князья говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, поднимаем сами на себя вражду, а половцы раздирают землю нашу на части и радуются, что между нами рать? Теперь же будем жить в одно сердце и блюсти Русскую землю!». Участники съезда заключили между собой договор, положив в его основу принцип наследования князьями земель своих отцов (сыновей Ярослава Мудрого) и отказа от посягательств на чужие территории. В случае нарушения кем-либо из князей этого соглашения другие князья должны были силой принуждать нарушителя к соблюдению мира: «Если теперь кто на кого станет, то на того будем все»¹⁴.

Не успели князья разъехаться по домам, как сразу появились недовольные результатами съезда. Ими были киевский князь Святополк Изяславич и волынский князь Давид Игоревич, которые, по решению съезда, должны были поделиться своими владениями с другими князьями¹⁵. Кроме того, Давид Игоревич был раздосадован тем, что Ростиславичи получили в свои владения червенские города, на которые он сам претендовал. Вернувшись в Киев вместе со Святополком, он начал наговаривать ему на Васильку Ростиславича, что тот-де собирается заключить против него союз с Владимиром Мономахом и выгнать его с великого княжения. По словам Давида, Василько будто бы даже намеревался убить Святополка. «А ныне мыслит, — говорил Давид, — на тебя и на меня». Святополк легко поверил этому навету, так как сам давно опасался обширных военных приготовлений Ростиславичей¹⁶. Святополк и Давид стали совещаться, как им лучше всего расправиться над Васильком. Последний в это время возвращался после Любечского съезда через Киев в родной Теробовль. По дороге он решил заехать в Киевский Выдубицкий монастырь, помолиться мощам святого Михаила. Этим и решили воспользоваться князья-заговорщики. Святополк послал Васильку приглашение погостить у него до именин, но тот отказался, сославшись на то, что не может ждать, когда дома вот-вот начнется война с поляками. Однако это только укрепило подозрения Святополка в том, что Василько замыслил против него что-то нехорошее. Подлил масла в огонь и Давид Игоревич, пугавший киевского князя тем, что если он отпустит Васильку, то тот, вернувшись в свою волость, захватит принадлежащие Святополку Туров, Пинск и города в Волынской земле.

Святополк послал Васильку новое приглашение посетить его терем, передав ему, что если он не может погостить у него до именин, пусть хотя бы приедет поприветствовать и посидит вместе с ним и Давидом. На этот раз Василько согласился и поехал на княжеский двор. По дороге встретился ему отрок, который предупредил о

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 231.

¹⁵ Грушевский М.С. Волынский вопрос 1097 — 1102 гг. / Оттиск из журнала «Киевская старина». Киев, 1891. С. 12.

¹⁶ По летописи, Святополк больше всего опасался захвата Ростиславичами принадлежащих ему Турова и Пинска и «прочих городов» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 232). Под последними имелись в виду Берестье и Погорина, располагавшиеся на границе Галицкого и Киевского княжеств. (Там же. Стб. 238).

намерениях Святополка и Давида схватить его. Но Василько не поверил, что князья, только что целовавшие ему крест на Любечском съезде, нарушат клятву. В разгар пира, устроенного Святополком в честь Василька, киевский и волынский князья неожиданно вышли из горницы в сени, будто по какому-то срочному делу. Это был условный знак, по которому прислуживавшие за столом слуги Святополка набросились на Василька и заковали его в цепи. Однако сам Святополк боялся держать у себя плененного теребовльского князя, так как это могло вызвать недовольство других князей, и передал Василька его давнему врагу Давиду Игоревичу. Последний отправил Василька под охраной во Владимир-Волынский. По дороге отряд остановился в Белгороде, где слуги Давида, по тайному приказу своего князя, придавили Василька в избе доской и выкололи ему глаза. Слепленного Василька отвезли на Волынь во владения Давида и заключили в темницу.

Поразительная по своему вероломству и жестокости расправа киевского и волынского князей над Васильком произвела ошеломляющее впечатление на других русских князей. По словам летописца, переяславский князь Владимир Мономах «ужасеся и всплакав и рече: сего не было есть в Русьской земли ни при дедехъ наших, ни при отцихъ нашихъ, сего зла»¹⁷. В соответствии с заключенными Любечскими договоренностями Мономах решил наказать князей-отступников и обратился за помощью к черниговским князьям Давиду и Олегу Святославичам, которые присоединились к нему со своими полками. Союзники выступили на Киев. Дойдя до Городца, князья послали киевскому князю Святополку объявление войны, передав ему, что ослеплением Василька «он метнул нож» в них. Святополк стал оправдываться, говоря, что во всем-де виноват Давид, который оговорил перед ним Василька. Однако князья ему не поверили, ответив, что это пустая отговорка, потому что Василько ослеплен был в городе Святополка и, следовательно, при содействии киевского князя¹⁸. Прервав переговоры, союзные рати начали переходить Днепр для осады Киева. В столице начались волнения против Святополка, и он хотел бежать к полякам. Но бояре не пустили его и уговорили послать к Владимиру Мономаху и Ольговичам новое посольство с предложениями мира. Разорение столицы Руси не входило в планы союзников, и вскоре между Мономахом и Святополком был заключен мир. Согласно ему Святополк должен был разорвать союз с волынским князем и присоединиться к другим князьям для совместного похода против Давида Игоревича¹⁹.

Объединенное войско южнорусских князей двинулось на Волынь. Встретившиеся им по дороге послы Давида и Василька Ростиславича предложили князьям прекратить поход, так как, по их словам, Давид уже освободил Василька, и они помирились. Однако это была всего лишь уловка. Давид не только не освободил к тому времени Василька, но и, как показали последующие события, пытался отобрать у Ростиславичей подвластные им червенские города. Несмотря на это, Ростиславичи решили временно помириться с Давидом. Пойти на этот шаг их заставили опасения, что расправившись с Давидом, Святополк и Владимир Мономах захотят также подчинить власти киевского князя земли уже самих Ростиславичей²⁰. Поэтому делая вид, что они не держат зла на Давида, Ростиславичи были заинтересованы в том, чтобы предотвратить вторжение войск южнорусских князей на Волынь. После того, как союзники повернут обратно, Володарь и Василько рассчитывали разделаться с Давидом собственными силами. Как и ожидалось, заверения Ростиславичей и Давида в восстановлении между ними мирных

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 236.

¹⁸ Грушевский М.С. Указ. соч. С. 18.

¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 239.

²⁰ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 127.

отношений обманули Святополка и Мономаха, и они повернули. Воспользовавшись этим, Давид и Ростиславичи разорвали мирное соглашение и начали войну.

Давид захватил Теребовль и близлежащие города, принадлежавшие Васильку Ростиславичу, которые его брат Володарь не смог защитить²¹. В решающем сражении под стенами Бужска Володарю удалось разбить Давида, который с остатками войск укрылся в крепости. Обе стороны пошли на заключение перемирия. В результате Давид согласился освободить из темницы Василька Ростиславича и вернуть все земли, захваченные им у Ростиславичей. Однако он фактически выполнил только первую часть договора, выпустив на свободу Василька²².

Весной следующего 1098 года Ростиславичи возобновили войну против Давида. Братья осадили и взяли штурмом принадлежащий Давиду город Всеволож, и хотя его жители не могли отвечать за злодеяния своего князя, казнили всех пленных. Так, по словам летописца, Василько совершил первое свое мщение Давиду, выместив его на них в чем не повинных людях. Вслед за тем Ростиславичи двинулись на столицу Давида — Владимир-Волынский. В городе многие горожане были недовольны Давидом, и когда Ростиславичи передали через послов, что они пришли воевать не с ними, а против бояр, настроивших Давида против Василька, подняли восстание. Горожане потребовали от Давида выдать Ростиславичам названных бояр Василя, Тудора и Лазаря, виновных в ослеплении Василька Ростиславича. В противном случае они угрожали открыть врагу ворота. Давиду пришлось уступить, и он выдал Ростиславичам двух бояр Василя и Лазаря. Тудор же еще раньше бежал из города. На рассвете выданных повесили и расстреляли из луков²³. Отомстив во второй раз, братья отступили от города.

Между тем опасения галицких князей, что их усобицей могут воспользоваться другие князья, стали оправдываться. Многие князья Южной Руси считали, что после ослепления Василька Давид Игоревич потерял права на Волынское княжество, которое как выморочное теперь должно перейти в собственность великого киевского князя. Следуя этому решению, киевский князь Святополк Изяславич двинулся с войсками на Волынь, чтобы изгнать Давида и завладеть его землями. В помощь себе он призвал польского короля Болеслава. В свою очередь, Давид также обратился за помощью к полякам. За вознаграждение в 200 гривен Болеслав обещал Давиду примирить его со Святополком. Но как оказалось, польский король не собирался выполнять своего обещания. Вместо этого он вступил в переговоры со Святополком и, взяв у него «дары великие» (то есть получив от него еще большую взятку), вернулся в Польшу. Лишившись своего ненадежного союзника, Давид бежал во Владимир-Волынский. Вскоре он увидел, что не сможет удержать город, и заключил мир со Святополком на условии, что будет отпущен, куда пожелает. Давид бежал к полякам. Святополк занял столицу Давида Владимир-Волынский, после чего решил захватить также соседние земли Володаря и Василька Ростиславичей, заявив им, что «это есть волость отца моего и брата»²⁴. В кровопролитной битве Ростиславичам удалось разбить войско Святополка, и киевский князь вынужден был вернуться в Киев, оставив продолжить завоевание галицких земель двух своих сыновей: один из них Мстислав, рожденный от наложницы, сел наместником во Владимире-Волынском, другой Ярослав по приказу отца отправился в Венгрию ко двору короля Кальмана (Коломан древнерусских летописей) нанять новых

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 241.

²² Там же. Стб. 242.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 243.

²⁴ Там же. Стб. 244.

наемников для войны. Венгры не упустили возможность вмешаться во внутрирусские дела и направили на Волынь большое войско во главе с тремя епископами²⁵.

Венгерское вторжение, угрожавшее независимости всех русских земель на юго-западе, привело к тому, что бывшие враги — Ростиславичи и Давид Игоревич решили объединить свои силы для отпора захватчикам. В залог мира с Ростиславичами Давид оставил заложницей у Володаря Ростиславича свою жену. На помощь галицким князьям пришли также половцы знаменитого половецкого хана Боняка, который считал венгров своими кровными врагами²⁶. Силы противников встретились на реке Вягре, притоке Саны у Перемышля. Летописные известия сообщают о неоправданно высокой численности венгерского войска — 100 тысяч человек. Напротив, у Давида было якобы всего 100 воинов, а у Боняка 300²⁷. По данным, которые приводит В.Н. Татищев, Боняк имел войско в 8000²⁸. Но все равно, по-видимому, силы русских и половцев значительно уступали венгерским. Тем не менее половецкому хану Боняку, который был командующим армией союзников, удалось навязать противнику сражение в выгодных для себя условиях. Боняк разделил свое войско на три полка и послал один из них во главе с ханом Алтунопой против венгров. Алтунопа с воинами осыпал венгров стрелами и начал поспешно отступать вдоль реки, заманивая за собой противника к засаде, в которой расположился Боняк с двумя другими полками. Увлечшиеся преследованием венгры были атакованы с двух сторон и побежали обратно. В это время Володарь сделал вылазку из Перемышля и довершил разгром венгерского войска, которое потерпело сокрушительное поражение. Многие венгры утонули во время бегства в Сане. Победители два дня преследовали разбитого врага, нанеся ему огромные потери, которые по данным русских летописцев составили только убитыми 40 тысяч воинов.

Остатки венгерского войска бесславно вернулись на родину, а сопровождавший их Ярослав Святополкович бежал к полякам. Перейдя в наступление, Давид занял без боя города Сутиск и Червен и захватил внезапным ударом Володимерец. Отсюда он пошел на Владимир-Волынский и осадил его. Во время обороны города был убит стрелой второй сын Святополка Мстислав, княживший в бывших владениях Давыда. Столица Волыни вот-вот готова была сдать Давиду, когда ночью к городу неожиданно подошел отряд киевлян во главе с воеводой Путятюю и сыном черниговского князя Святошей Давидовичем. Они сходу атаковали лагерь осаждавших и разбили их. Давид Игоревич вновь бежал, но вскоре опять вернулся, ведя за собой половцев Боняка. После ряда сражений им удалось вытеснить Путятю и Святошу Давидовича с Волыни²⁹.

Конец затянувшейся волынской усобицы подвел княжеский съезд, собравшийся весной 1101 года в Уветичах. По решению его участников, Давид Игоревич был лишен волынского стола, который теперь переходил к киевскому князю, и переведен на княжение Дорогобуж. Ростиславичам было предложено ограничиться княжением в Перемышле, поскольку из-за своей слепоты Василько-де не мог больше управлять Теремовлем. На это предложение князей братья ответили решительным отказом: были ли сделаны какие-либо попытки принудить их к тому силой, неизвестно, во всяком случае, они сохранили свои владения³⁰.

²⁵ Согласно «Повести Временных лет», венгерское войско возглавил лично король Коломан, но это известие скорее всего недостоверно. Среди предводителей венгров «Повесть» называет также двух епископов. О трех епископах пишет В.Н. Татищев, рассказ которого о походе венгров в земли Ростиславичей основывается на сведениях отличного от ПВЛ источника.

²⁶ Плетнева С.А. Хан Боняк и его время // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 175 — 177.

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 246.

²⁸ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 119.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 248.

³⁰ Грушевский М.С. Указ. соч. С. 31; ПСРЛ. Т. II. Стб. 250.

После Уветичского съезда, снявшего наиболее острые территориальные противоречия между князьями, в юго-западных русских землях надолго установился мир. Да и Ростиславичи уже не были такими неугомонными, как раньше. Из-за слепоты Василька в походы теперь ходил в основном только один Володарь Ростиславич. Давала знать о себе и старость, незаметно подкрадываясь к героям. На целых пятнадцать лет исчезают они со страниц летописей, заполненных в это время описанием походов знаменитого Владимира Мономаха против половцев.

Однако стоило на Руси разгореться новой усобице, как Ростиславичи вновь дали о себе знать. На этот раз мятеж поднял сын умершего киевского князя Святополка волынский князь Ярослав Святополкович. Он был недоволен тем, что новый киевский князь Владимир отдал княжение в Новгороде не ему, как старшему среди третьего поколения Ярославичей, а своему внуку Святополку Мстиславичу. Ярослав отказался подчиняться приказам из Киева и стал собирать войско для войны против Мономаха. В ответ в 1117 г. киевский князь двинул большое войско на Волынь. В этом конфликте Ростиславичи решили принять сторону Мономаха и присоединились к нему со своими полками. Войска союзников подошли к Владимиру-Волынскому и подвергли его шестидесятидневной осаде. Ярослав запросил мира и обязался во всем подчиняться воле киевского князя. Однако как только князья «разидошася кождо въ свояси», Ярослав бросил волынский стол и бежал к венграм. На ставшем вакантным Владимир-Волынском княжении Владимир Мономах посадил своего сына Андрея³¹.

Теперь уже сами Ростиславичи всерьез стали опасаться за независимость своих земель. Поэтому когда в 1123 году Ярослав Святополкович вторгся из Польши на Русь с 7000 войском поляков и венгров, Володарь и Василько поддержали его своими дружинами. Усобица не успела вылиться в крупномасштабную войну. Вскоре при осаде Владимира-Волынского Ярослав умер от полученной раны, его разноплеменная армия, оставшаяся без предводителя, разбежалась. Ростиславичи остались один на один против вторгшейся в их земли армии Владимира Мономаха, и им ничего не оставалось делать, как капитулировать. Мир с грозным киевским князем был куплен, как это не раз бывало, «дарами многими»³². Это было последнее участие неумных князей в усобицах.

В последние годы жизни Ростиславичам приходилось вести тяжелые оборонительные войны против внешних врагов, которые, видя приближавшуюся старость обоих князей, со всех сторон набросились на их земли, чтобы отомстить за прошлые обиды. В 1119 году по просьбе венгерского короля Володарь Ростиславич ходил походом против греков, — очевидно, в Болгарию, — и захватил «многое богатство»³³. Однако наибольшую угрозу владениям Ростиславичей в это время представляли набеги поляков, которые стремились захватить червенские города. В 1122 году Володарь, раздосадованный их постоянными грабежами пограничных земель, собрался в поход на Польшу. Но предприятие сорвалось в зародыше. Воевода Петр Властович, перебежчик из Польши, был на самом деле подослан польским королем Болеславом и вызвался выдать ему Володаря. То ли во время лесной охоты, то ли на пиру Петр при помощи сообщников обманом захватил Володаря и вывез его в Польшу. Володарь попал в плен, где провел несколько месяцев, пока его брат Василько не выплатил за него огромный выкуп в 2000 гривен³⁴. Вернувшись в Перемышль, Володарь начал собирать войско для нового

³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

³² Там же. Стб. 287.

³³ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 155.

³⁴ Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1998. С.100-102, 115-119; ПСРЛ. Т. I. Стб. 292; ПСРЛ. Т. II. Стб. 286; Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. С. 301-302, 416; Татищев В.Н. Указ. соч. С. 156.

похода в Польшу, но неожиданно заболел и умер. В том же 1124 году, за несколько месяцев до смерти Володаря, умер его младший брат Василько.

Инков Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и международных отношений Московского гуманитарного университета

Д.М.ВОЛОДИХИН
НЕ ЗА СОВЕСТЬ, А ЗА СТРАХ:
ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА СТАРИЦКОГО
НА ОПРИЧНОЙ СЛУЖБЕ

На протяжении раннего периода опричнины, с 1565 по 1569 гг., полководцы, занимавшие ключевые посты в ее военной иерархии, рекрутировались чаще всего из среды старомосковского боярства. Реже это были отпрыски семейств, относившихся к титулованной аристократии «второго ранга» — не самой родовитой, не самой богатой, не самой влиятельной при дворе.

В 1570 г. произошел резкий поворот в кадровой политике. Множество высших аристократов оказалось на значительных воеводских должностях в боевом опричном корпусе. Почти вся эта высокородная титулованная аристократия попала в опричную военную иерархию во время большой кадровой перестановки весны-осени 1570 г. Князь Ф.М. Трубецкой был самым заметным в целой группе весьма знатных военачальников, переведенных в опричину. Каковы причины подобного «вливания» в командный состав опричного корпуса? В 1569—1570 гг. из обоймы опричных воевод вылетело несколько крупных фигур: кн. А.П. Телятевский, заместничав с Ф.А. Басмановым-Плещеевым, странным образом «...разболелся и умер», Плещеевы подверглись казням и ссылкам, князья Вяземские попали в опалу. Требовалось пополнение. А разочарование Ивана IV в организаторах ранней опричнины из старомосковских боярских родов не способствовало рекрутированию этого пополнения из их среды. Удивительно другое: всего за несколько месяцев в опричных воеводах оказались превращены многие служилые аристократы, связанные родственными связями или службой с домом Старицких удельных князей. А ведь еще совсем недавно кн. Владимир Андреевич Старицкий обвинялся в измене — умышлении на жизнь самого государя!

В настоящей статье предлагается возможный ответ на вопрос о том, по какой причине в опричину взяли именно этих людей, притом взяли почти одновременно.

Для начала имеет смысл перечислить их и познакомить читателя с их «служебными биографиями».

Так, например, в опричную военную иерархию пришел князь Семен Данилович Пронский. В 7079 (осень 1570) г. «на Сенькине перевозе» он возглавлял самостоятельный отряд из состава опричного корпуса, а весной 1572 г. удостоился назначения в Юрьев-Ливонский — первым воеводой, иными словами, начальником гарнизона¹. Эти назначения свидетельствуют о доверии, которое оказывал Семену Даниловичу царь. Более того, с конца 1571 — января 1572 г. князь фигурирует в разрядах как опричный боярин и даже рассуживает местнические конфликты с участием видных опричников².

Казалось бы, менее пригодную фигуру для усиления опричных кадров отыскать трудно! Семен Данилович происходил из высокородных Рюриковичей Рязанского княжеского дома, хотя и вышел из младшей ветви. Когда-то Пронское княжество даже именовалось «великим», хотя и подчинялось Рязани. Князья Пронские служили Москве, очевидно, со времен Ивана III Великого (С.Б. Веселовский, правда, считал, что их переход к московским государям произошел не ранее правления Василия III), и это семейство традиционно получало боярские чины, воеводские и наместничьи должности. Отдельные его представители связаны были службой и брачными отношениями с князьями Старицкими, репрессированными в опричину. Мало того, двое родственников Семена Даниловича — князья И.И. Пронский и В.Ф. Рыбин-Пронский — также

¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 272, 305.

² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 292, 295, 302.

лишились жизни в опричное время³. А опричнина изначально была в кадровом смысле отдалена от «княжат», не забывших еще порядков «благословенной» удельной старины.

Но все эти соображения имеют силу лишь для периода ранней опричнины, теперь же ситуация резко изменилась.

Как военачальник Семен Данилович обладал определенной ценностью. Он впервые получил пост воеводы «для посылок» в большом походе русской армии, когда был взят Феллин (1560), а во время зимнего похода на Полоцк 1562—1563 гг. числился в есаулах⁴. При начале опричнины, в 7072—7073 (1563/1564 — 1564/1565) гг. князь занимал пост воеводы в Торопце, оставаясь, как видно, в земщине⁵. И до 1570 г. его на опричных службах не видно. Позднее же он пригодился.

Семен Данилович благополучно пережил опричнину и скончался лишь в 1584 г. В промежутке от расформирования опричнины до 1580 г. он был одним из самых «востребованных» военачальников Московского государства. Его постоянно, из года в год, ставили на воеводские должности. Семен Данилович участвовал в ряде победоносных походов. Он возглавлял полки, гарнизоны крупных крепостей (до Полоцка включительно) и даже самостоятельные полевые соединения⁶.

Старицким служил когда-то и другой опричный воевода — князь Андрей Петрович Хованский.

Службу в опричнине Андрей Петрович начинал очень скромно — для своего социального уровня. Осенью 1570 г. князь был вторым воеводой в полку правой руки на береговой службе опричного корпуса под Тарусой⁷. В 1572 г. при первом выходе общерусской, опрично-земской армии «на берег», а затем при отражении Девлет-Гирея у Молодей князь возглавлял передовой полк⁸. Это свидетельствовало бы о высокой оценке его командирских способностей — ведь речь шла ни много ни мало о судьбе Московского государства... Однако Хованского подстраховывал столь блистательный военачальник, как Дмитрий Иванович Хворостинин; источники рисует его роль в битве намного более значимой, нежели роль его прямого начальника Хованского. В подробном отчете о битве, помещенном в государственном разряде, Андрей Петрович назван как участник предварительной стычки. Там, в частности, сказано: «...передовова полку воеводы князь Ондрей Хованской да князь Дмитрей Хворостинин пришли на крымской сторожевой полк, а в сторожевом полку было два царевича. И учали дело делати у Воскресенья на Молодех и домчали крымских людей до царева⁹ полку. И царевичи прибежали и учали царю говорити, что к Москве идти не по што: московские люди побии нас здесь, а на Москве у них не без людей же. И царь крымской послал нагайских и крымских тотар двенатцать тысяч, и царевичи с тотары передовой государев полк мчали до большово полку до гуляя города. А как пробежали гуляй город вправо, и в те поры боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи велели стрелять по татарским полком изо всего наряду; и на том бою многих тотар

³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 116-117; Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 67; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 229.

⁴ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 223; Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 131.

⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 24.

⁶ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 89, 94-96, 101, 108, 109, 116, 121, 125, 127, 146, 156, 163, 169, 172-174.

⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69.

⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 85; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 308, 315.

⁹ В данном случае царем назван крымский хан Девлет-Гирей.

побили. И крымской царь от того убоялся, к Москве не пошел...»¹⁰. Но после этой сшибки передовых отрядов князь Хованский не упоминается среди участников сражения. Дальше видны действия лишь его подчиненного — Хворостинина, наряду с Воротынским решавшего основные боевые задачи¹¹. Лишь после того, как завершились главные эпизоды молодинской оборонительной операции, Андрей Петрович вновь появляется — в качестве командующего русским заслоном, оставленным у Оки на тот случай, если крымцы вздумают вернуться¹². Что произошло? Почему после начального этапа битвы Андрей Петрович исчез из разрядного отчета? Почему его заменил Хворостинин? Можно предполагать одно из двух. Либо князь Хованский получил ранение, — но уж очень быстро он вернулся в строй. Либо, что более вероятно, главнокомандующий, князь М.И. Воротынский в большей степени доверял способностям исключительно опытного и ярко одаренного полководца — Хворостинина, а за Хованским подобных способностей не признавал, вот и оставил после первого боя для Андрея Петровича роль статиста. Ко второму варианту подталкивает исключительно интересная трактовка событий у Молодей, содержащаяся в небольшом Соловецком летописце. Летописное повествование весьма сходно с разрядным, но отличается от него рядом живых деталей; автор летописца, старец Петр Ловушка (Ловушкин) был тогда в Новгороде у Ивана IV вместе с соловецким настоятелем Варлаамом, и мог черпать самые свежие новости из известий, приходивших тогда в Новгород с южного фронта¹³. По его сведениям, Хованский вообще незаметен на поле боя, включая и первый эпизод сражения. Вместо него везде действует младший воевода передового полка Хворостинин...¹⁴ Всё это, конечно, характеризует Андрея Петровича как военачальника не лучшим образом. И его военная деятельность в рамках опричнины выглядит скромной и малозаметной.

Почему это произошло?

Андрей Петрович — отпрыск весьма знатного рода, восходящего к Патрикию Наримонтовичу, князю-Гедиминовичу, выехавшему из Литвы на службу Василию I в 1408 г. Во второй половине XV — первой половине XVI в. князья Хованские в основном служили при удельных дворах, поэтому, несмотря на столь высокий уровень знатности, не могли претендовать на высшие должности при дворе великокняжеском. Дочь кн. А.Ф. Хованского Ефросинья вышла замуж за удельного князя Андрея Ивановича Старицкого¹⁵. Но посты и чины, которые являлись пределом мечтаний для простого провинциального дворянства и оставались труднодостижимыми даже для средней массы московских родовитых служилых людей по отечеству, Хованским все-таки доставались — по праву крови.

Андрей Петрович, пребывая на службе у Старицких, был незаметен для московских разрядов. В них зафиксированы лишь те его назначения, которые относились к общегосударственным, а не удельным делам. Впервые он отмечен, таким образом, лишь под 1560 г. — в списке большой русской армии, наступавшей на Феллин. Тут он фигурирует как «княж Володимеров Ондреевича дворецкой и воевода», очевидно, возглавлявший небольшой отряд, добавленный к полку правой руки¹⁶. Должность эта — малозаметная и не дававшая, к тому же, простора для самостоятельных действий. В

¹⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 312.

¹¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 314.

¹² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 316.

¹³ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. В.Н.Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 226-228.

¹⁴ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. В.Н.Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 238.

¹⁵ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 29—30; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 166.

¹⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 222.

1563 г. Иван IV постриг в опале и послал на Белоозеро кн. Ефросинью Старицкую, а служилую знать старицкого двора взял на московскую службу¹⁷. Тогда от Старицких перешли и князья Пронские, и князья Хованские — задолго, надо подчеркнуть, до истребления семейства Старицких. Московские разряды показывают: в апреле 1564 г. Андрей Петрович был расписан первым воеводой в Брянск, откуда вскоре был передвинут под Калугу, в сторожевой полк армии, поставленной там на «береговую службу»; позднее в той же рати он перешел с отрядом в передовой полк — с положения первого воеводы на положение второго, т.е. с понижением; октябрь того же года застал его вторым воеводой в составе небольшого разведывательного отряда, отправленного за Оку; позднее Андрей Петрович воеводствовал в маленьком Дорогобуже, а затем, летом 1565 г. вновь вышел на «береговую службу» во главе сторожевого полка, чтобы немного позднее перейти в состав другой большой армии на той же должности¹⁸.

Итак, боевой опыт Андрей Петровича невелик, но все же более значителен, чем у кн. С.Д. Пронского. Его армейский карьерный потолок — командование сторожевым полком в крупном полевом соединении. Формально назначения Хованского в опрочинине несколько выше доопрочинных: командование передовым полком (в иерархии воеводских чинов глава этого полка был «честию выше» командующего сторожевым полком), а затем пребывание во главе смешанного земско-опрочинного соединения, пусть и недолгое время, пусть и после того, как основная боевая задача была уже решена. Но служебного взлета не получилось. Об этом можно судить по более поздним назначениям князя. Через несколько месяцев после битвы у Молодей Иван IV отправил большую рать «в Казань на изменников на казанских людей на луговую черемису». В ней кн. А.П. Хованский был первым воеводой полка левой руки¹⁹, т.е. ниже, чем в ходе молодинских событий. Весной 1573 г. Хованский оказывается в той же должности в Кашире, и лишь из-за монаршей опалы на нескольких более значительных воевод он в конце концов передвигается на место первого воеводы передового полка. Но осенью, в другом соединении, стоявшем под Муромом, князь опять скатывается в первые воеводы полка левой руки, да еще и подвергается оскорбительному местническому обвинению²⁰. Эта же должность достается Андрею Петровичу в 1574 и 1575 гг., причем в последнем случае он пытался передвинуться повыше за счет местнического конфликта, но Ивана IV решил, что «...в левой руке ему быти пригоже»²¹. На протяжении нескольких последующих лет князь оставался примерно на том же уровне и подняться выше так и не смог²². Финал военной карьеры князя Хованского печален: она завершилась почти унижительным назначением первым воеводой в маленькую крепость Куконос (1577/1578 г.)²³. Совершенно ясно, что Хованского невысоко ценят как полководца. Средний военачальник на ролях второго плана, он не сыграл видной роли в опрочинине и претерпел понижение в чинах после нее.

Князь Никита Романович Одоевский принадлежал одной из старших ветвей Черниговского княжеского дома, восходящего к Михаилу Всеволодовичу. Это очень крупная фигура в русской политической и военной истории XVI в. — значительно более заметная, нежели кн. С.Д. Пронский и кн. А.П. Хованский. Из аристократического «подкрепления», пришедшего в опрочинину в 1570 г., его можно сравнивать лишь с кн.

¹⁷ Веселовский С.Б. Исследования... С.236.

¹⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 246-248, 251, 262-263.

¹⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.87—88.

²⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 95—96, 102-103.

²¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 108, 112-113.

²² Лишь раз, в 1575 г. ему доверили передовой полк, но только «после отпуску больших воевод», т.е. в ситуации относительной безопасности — как после Молодей его ставили в таких же обстоятельствах во главе целого соединения. — Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 118.

²³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 153.

Ф.М. Трубецким. Князья Одоевские служили московским государям со времен Ивана III Великого и традиционно стояли в военной иерархии весьма высоко. Более того, они сохраняли некоторые права на старинную родовую вотчину, оставшуюся за ними еще с удельных времен — часть Одоева. И Никита Романович до самой смерти своей прав этих не утратил. Положение князей Одоевских осложнялось в середине XVI в. тем, что удельный князь Владимир Андреевич Старицкий был женат на сестре кн. Н.Р. Одоевского.²⁴

Карьера Н.Р. Одоевского в опричнине была короткой. Появился он в опричной военной иерархии тогда же, когда и прочие служилые аристократы, связанные прежде со Старицкими князьями. Первый раз разряды упоминают его на опричной службе под Тарусой осенью 1570 г., в качестве первого воеводы полка правой руки. В зимние месяцы 1571—1572 г. он упомянут как участник похода Ивана IV к Новгороду. Никита Романович занимал несуразно низкую должность второго воеводы в сторожевом полку. Правда, возглавлял полк сам кн. И.Ф. Мстиславский, прежний «столп царства», попавший в опалу после разгрома Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г.... А третьим воеводой в том же полку поставлен кн. Д.И. Хворостинин, выдающийся полководец, также претерпевший понижение в чинах после московской катастрофы. Пребывание на значительно более низком посту, чем раньше, к тому же, между двумя «штрафниками», заставляет предположить монаршую опалу в отношении Одоевского. Однако это предположение пока должно оставаться на правах гипотезы, поскольку подтвердить его нечем²⁵. Удачно действовал Никита Романович в ходе оборонительной операции у Молодей летом 1572 г. Его вновь поставили первым воеводой полка правой руки, т.е. с очевидным служебным повышением. Князь отражал один из первых ударов Девлет-Гирея, рвавшегося к Москве. Удар этот был столь силен, что второй воевода, Ф.В. Шереметев, бежал с поля боя, бросив саадак. Разряд подчеркивает тот факт, что князь Одоевский остался и сражался с крымцами без помощника: «...а дело было Миките одному»²⁶.

Как и для других титулованных аристократов из родов высшей знати, направленных на укрепление военной машины опричнины в 1570 г., пребывание на воеводских должностях в опричном корпусе не было для Никиты Романовича служебным приобретением. В доопричные времена никакие «именные» службы князя Одоевского неизвестны. Разряды фиксируют его появление в вооруженных силах России лишь с сентября 1565 г., в земщине. Он получил тогда назначение первым воеводой в Дедилов²⁷. А 7075 (1566/1567) г. его перебросили воеводой в Почеп, а на следующий год — в Донков²⁸. Ничто не говорит о переходе Никиты Романовича из земщины в опричнину до 1570 г. О его боевом опыте на основе трех доопричных воеводских назначений решительно нельзя сказать ничего определенного. Никиту Романовича ставили во главе крепостных гарнизонов на опасном — от крымского хана — направлении. Следовательно, князю доверяли, несмотря на его близкородственные отношения с домом Старицких. Но сколь удачно он проявил себя в деле, — неизвестно. Очевидно, как минимум, ничего не провалил, иначе не возглавлял бы впоследствии полков в опричнине. Что же касается опыта чисто управленческого, то им Никита Романович должен был располагать по определению, как удельный князь, а следовательно, администратор обширной территории.

²⁴ Веселовский С.Б. Исследования... С. 222; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 130, 133-135.

²⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69, 77.

²⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 308, 315; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 85-86.

²⁷ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 264-265.

²⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 48-56.

Как уже отмечалось, князь Одоевский удачно проявил себя у Молодей в 1572 г. О царском благоволении в отношении Никиты Романовича говорит назначение, которое он получил через несколько месяцев после Молодинской битвы. Его поставили первым воеводой в крупной (пятиполкового состава) армии, отправленной на усмирение черемисских бунтов в Казанской земле. Разряды впервые упоминают его с боярским титулом, полученным в опричнине²⁹. Таким образом, после Молодей князь Одоевский поднялся на более высокий служебный уровень — его воеводскую «работу» оценили по достоинству.

Но уже весной 1573 г. Никита Романович был отозван из действующей армии, с «береговой службы», подвергся пыткам и скончался³⁰. Источники, к сожалению, не позволяют дать однозначный и твердый ответ на вопрос о причинах его умерщвления.

Семейство Борисовых-Бороздиных вошло в опричнину поздно: до 1570 г. Григорий Никитич и Никита Васильевич³¹ Борисовы-Бороздины упоминаются в разрядах, составленных по земщине. Их род вышел из боярства тверского. Предвидя скорое подчинение Твери Москве, часть его (в том числе и Бороздины) в 1476 г. перешла на службу к Ивану III. Здесь они приобрели немалое влияние: представителей этого семейства регулярно назначали на воеводские должности, некоторые из них побывали наместничьих постах и даже дослужились до думных чинов; Борисовы были в родстве с удельным князем Владимиром Андреевичем по кн. Ефросинье Старицкой³².

В опричнине Никита Васильевич был более заметен. Его дважды назначали на воеводские должности: весной-летом 1570 г. ему досталось назначение вторым воеводой в полку правой руки при выходе большой опричной армии на «береговую» службу под Калугу; несколько месяцев спустя он оказался вторым воеводой в передовом полку под Тарусой, в составе другого крупного полевого соединения опричников³³. Григорий Никитич Борисов-Бороздин удостоился воеводского назначения всего один раз: вместе с родственником он отбыл под Калугу в 1570 г., пребывая на аналогичном посту, — вторым воеводой в передовом полку³⁴.

Для Григория Никитича пребывание в рядах опричного боевого корпуса стало кратковременным и малозначительным служебным эпизодом. Это был опытнейший воевода, впервые он появился в разрядах в 1551 г. как второй воевода в Михайлове³⁵. Тогда Г.Н. Борисов-Бороздин выступает как воевода удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. В дальнейшем Григорий Никитич оставаться служилым человеком Старицкого дома в высоких чинах как минимум до сентября 1556 г.³⁶ В полоцком походе зимы 1562—1563 гг. он уже получает назначения без каких-либо ремарок о

²⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 87.

³⁰ Он возглавлял тогда полк правой руки, стоявший под Тарусой. О том, что с ним произошло, разряд сообщает весьма кратко: «И царь и великий князь положил опалу на бояр своих и на воевод на князя Михаила Ивановича Воротынского, да на князь Микиту Романовича Одоевского, да на Михаила Яковлевича Морозова, велел их казнить смертною казнью» — Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 95-96.

³¹ Двоюродный племянник Григория Никитича. — Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 27

³² Веселовский С.Б. Исследования... С. 206—207; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 261—263.

³³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 262.

³⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 261.

³⁵ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 151.

³⁶ В.Б. Кобрин собрал об этом исчерпывающую информацию, тут добавить нечего, можно лишь внести незначительные поправки: после воеводства в Михайлове Григорий Никитич был вторым воеводой в Калуге (осень 1555), наместником в Кореле (1556), а в сентябре того же года — вторым воеводой на «береговой» службе (уточнение: не в полевом соединении, а в Калуге, одним из крепостных воевод). — Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 27.

принадлежности к удельному двору: его ставят есаулом во главе отряда, состоявшего из 100 служилых людей по отчеству, затем головой на позициях у Борисоглебского монастыря под стенами осаждаемого города, затем головой заставы на Луцкой дороге, а после завершения похода отправился с отрядом в 80 служилых людей по отчеству в Смоленск (лето 1563)³⁷. Для крупного военного деятеля уровня Григория Никитича этот пост можно трактовать как явное карьерное понижение. Он исполнял работу, которую обычно поручали молодым военачальникам или командирам младшего звена: разбирали обозные заборы, ставил охранение на ночлеге³⁸. Однако во время полоцкого взятия Григорий Никитич, очевидно, проявил расторопность и распорядительность, таким образом показав себя Ивану IV с наилучшей стороны. Поэтому в Смоленске он присутствует как третий воевода — уже на московской царской службе³⁹.

Так что такое чин второго воеводы в передовом полку опричной армии под Калугой, полученный им в 1570 г.? Не Бог весть какое повышение по службе — относительно того, какие должности Григорий Никитич занимал в 1550-х гг. Но была в получении этого поста одна весьма положительная для Г.Н. Борисова-Бороздина сторона: он закреплял свой высокий статус, заново обретенный на службе у государей московских, после потери такового при удельном дворе.

Григорий Никитич благополучно пережил и опричнину, и самого Ивана IV. Он по-прежнему занимал воеводские должности, хотя и не первостепенные, — вплоть до 1591 г.; был в 1588 или 1589 г. на какой-то службе в Путивле, числился дворянином в списках Государева двора 1580-х гг.; кроме того, он удостоился экзотической чести быть в боярах «великого князя» Симеона Бекбулатовича⁴⁰. Его карьерный «потолок» — пост первого воеводы на «годовании» в Куконосе 7089 (1580/1581) г.⁴¹

Судьба Никиты Васильевича Борисова-Бороздина сложилась иначе, трагичнее. Как и его родич, Н.В. Борисов-Бороздин имел солидный командный опыт, притом приходящийся на время, непосредственно примыкающее к опричным годам и даже пересекающееся с ними. Иными словами, перемещая его на опричную военную службу, командование опричного корпуса, а может быть, и сам царь, делали разумный выбор.

Служебная деятельность Никиты Васильевича фиксируется с 1542 г., когда он присутствовал на приеме литовского посольства⁴². Разряды свидетельствуют о пребывании некоего Никиты Васильевича Борисова «на Чухломе», как второго воеводы, в августе 1528 г.⁴³ Однако весьма значительная оторванность этого назначения от более поздних служб заставляет усомниться: тот ли упомянут в разрядной записи человек, нет ли ошибки? Достоверность названного известия следует держать под сомнением. Впрочем, по сведениям С.Б. Веселовского, Никита Васильевич начал служить еще удельному князю Юрию Ивановичу и перешел в московскую службу лишь после его кончины в заточении⁴⁴. Быть может, трудности с переходом из удельного двора в вели-

³⁷ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 132, 134, 138, 139, 142—143, 148, 153.

³⁸ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 136, 150.

³⁹ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 239.

⁴⁰ Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI XVII веков. М., 2004. С. 203, 217, 323; Веселовский С.Б. Исследования... С. 207. Правда, Веселовский считал, что разряды упоминают боярство Г.Н. Борисова-Бороздина при Семионе Бекбулатовиче под 1578 г. И на самом деле, он появляется как "Семионов боярин" под 7086 "с Троицына дни", т.е. 1578 годом. — Разрядная книга 1559 1605 гг. М., 1974. С. 155 (воевода "в остроге" Корелы). Однако именуют его таким образом, очевидно, ретро-спективно: правление Семиона Бекбулатовича завершилось еще в 1576 г.

⁴¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 180.

⁴² Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 148.

⁴³ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 77.

⁴⁴ Веселовский С.Б. Исследования... С. 206.

ко княжеский затормозили карьеру Н.В. Борисова-Бороздина и надолго лишили его воеводских назначений. Между 1542 г. и началом службы по опричным спискам разряды несколько раз упоминают его на командных должностях, однако не ранее 1551 г. — тогда его направили одним из начальствующих лиц в отряд, который пошел «с запасом» из Нижнего Новгорода в Свияжск по враждебной территории Казанского ханства⁴⁵. В 1554 г. Н.В. Борисов-Бороздин во главе отряда устюжан совершает поход «в казанские места», на «черемису»⁴⁶. Во второй половине 1560-х гг. Никита Васильевич служил в Полоцке вторым воеводой⁴⁷. Командовал им земский воевода Иван Петрович Федоров — в будущем крупнейший фигурант «дела» о заговоре земщины против Ивана IV — мнимом или настоящем. Лишь в 1570 г. Борисов-Бороздин оказывается в составе опричной армии.

Итак, чем были для Никиты Васильевича назначения вторым воеводой полка правой руки, а затем передового в действующей опричной армии? Они отражают приблизительно тот же уровень воеводских назначений, который уже был у него на земской службе. Если это и повышение, то незначительное, — лишь в силу того, что опричный боевой корпус был ближе к особе самого царя, чем вооруженные силы земщины.

Пережив опричнину, Никита Васильевич сохранил чин окольного, продолжал участвовать в походах и назначаться на воеводские должности, хотя и второго плана. Так, в 1575 г. он еще был отправлен вторым воеводой в Феллин (Вильян)⁴⁸. Но вскоре его по невыясненным причинам казнили. Р.Г. Скрынников относит смерть Никиты Васильевича к 27 ноября 1575 г.⁴⁹

Князь Василий Иванович Темкин — выходец из огромного и весьма разветвленного дома Ростовских князей-Рюриковичей, сильно пострадавшего в годы опричнины; подробные сведения о потерях, понесенных различными ветвями князей Ростовских, собрал С.Б.Веселовский⁵⁰. Прямо противоположным образом сложилась личная судьба Василия Ивановича. Она дает яркий образец опричника-карателя, строящего карьеру на выполнении наиболее жестоких поручений монарха. В опричнине он был одной из центральных фигур и оставил заметный, хоть и негативный след в ее военной истории. Поэтому его судьба заслуживает самого пристального внимания.

Род князей Темкиных от выводится от Ивана Ивановича Темки, видного военного деятеля и администратора в первые годы правления Василия III⁵¹. Он погиб под Оршей в 1514 г. Ростовские князья занимали в Боярской думе середины XVI в. выдающееся положение, им доставались богатейшие наместничества — Псковское, Новгородское, Смоленское и др. Старший брат Василия Ивановича Темкина, князь Юрий Иванович, имел чин боярина. Наряду со служилыми князьями-Гедиминовичами в середине XVI столетия занимали исключительно высокое положение в армейской иерархии.

⁴⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 405; По сведениям В.Б. Кобрин, Н.В. Борисов-Бороздин еще раз был назначен в Свияжск в 1561/1562 гг. — Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 27.

⁴⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1978. Т. I. Ч. III. С. 478.

⁴⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I. С. 209, 214; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 265; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 48.

⁴⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 102, 114.

⁴⁹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 495-497, 544. Скрынников считает, что волна репрессий, обрушившаяся тогда на нетитулованную знать (по обвинению в заговоре против Ивана IV), может быть объяснена оговором многих ни в чем не повинных людей, совершенным «придворным колдуном» Элизисулом Бомелием. Более логичного объяснения до сих пор никем из специалистов не предложено.

⁵⁰ Веселовский С.Б. Исследования... С. 433-435.

⁵¹ В старшинстве многочисленных ветвей Ростовского княжеского дома отрасль Темкиных занимает среднее положение.

Итак, кн. В.И. Темкин по рождению своему принадлежал к числу высших аристократов Московского государства и мог претендовать на высшие посты в командном составе вооруженных сил.

Соответственно, разряды показывают, что первые его «именные» назначения уже обеспечили князя весьма высоким уровнем служебного положения. Впервые он появляется в разрядах как воевода «на Рязани... за городом» весной 1540 г., затем уже как рязанский наместник в июне 1543 г. а в июле 1544 г. — опять как «воевода за городом» у той же Рязани⁵². Между 1544 и 1555 гг. князь В.И. Темкин-Ростовский перешел из службы московскому государю на службу в Старицкий удел. В апреле 1555 г. Василий Иванович участвует в торжествах по поводу свадьбы кн. Владимира Андреевича Старицкого и кн. Авдотьи Романовны Одоевской; свадебный разряд называет его боярином в Старицком уделе⁵³. Соответственно, из московских разрядов имя его надолго ушло, а разряды удельные не сохранились, поэтому неизвестно, что именно поручал князю Владимир Андреевич Старицкий. Известно лишь, что весной-летом 1559 г. Василия Ивановича, возможно(!), посылали из Старицкого удела на «береговую службу» под Каширу⁵⁴. Нет сведений об участии кн. В.И. Темкина-Ростовского в боевых действиях; командный опыт у него, несомненно, был, но имелся ли опыт службы в полевых соединениях, т.е. в действующих армиях, сказать трудно. Вся информация о присутствии Василия Ивановича в зоне боевых действий ограничивается тем, что он где-то между второй половиной 1559 и началом 1567 г. попал литовцам в плен. Об этом можно со всей определенностью судить по летописному известию от 5 июля 1567 г.: «Отпустил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси в Литву Полотцково воеводу Станислава Станиславовича Довоина на обмену на князя Василья на Темкина, да ко князю Василью принять по государеву приказу на Довоине 10.000 угорских золотых. А на розъмену государь посылал от себя князя Ивана Тевекелевича да дьяка Осифа Ильина, а для береженья посланы на рубеж на Смоленской Василеи Колычев да Михаило Кумбулов со многими людьми»⁵⁵. Особого внимания заслуживает тот факт, что для осуществления процедуры обмена пленниками были отряжены крупные, хорошо известные исследователям служильцы опричного двора Ивана IV. Следовательно, либо Василий Иванович уже пребывал в опричнине до пленения, либо сразу же после возвращения из Литвы его планировалось определить на службу в составе опричного двора. За какие заслуги — неизвестно. Для ранней опричнины это «кадр» сомнительной ценности: из родовитых княжат, да еще из семейства, попавшего под удар опричных репрессий, т.е. подозрительного в смысле лояльности к Ивану IV. Одно из двух: либо Василий Иванович оказал царю какие-то выдающиеся услуги, суть которых до наших дней не донесли источники, либо, как предположил В.Б. Кобрин, будучи выкуплен государем, князь терял всякую связь с домом Старицких и за «полонное терпение» был принят в опричнину⁵⁶. Впрочем, двор Старицких был распущен намного раньше, и какая у кн. В.И. Темкина-Ростовского могла к 1567 г. остаться «связь» с несуществующим удельным двором, остается неясным. Иными словами, пока наиболее рациональным объяснением прихода Василия Ивановича в опричнину остается «компенсация» за «полонное терпение».

Опричная карьера Василия Ивановича содержит один факт исключительной важности: между попаданием князя в состав опричного двора и первым его воеводским

⁵² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 284; Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 117, 120.

⁵³ Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 8.

⁵⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I. С. 48.

⁵⁵ Продолжение Александров-Невской летописи // ПСРЛ. Т.29. С. 355.

⁵⁶ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 77.

назначением в опричном боевом корпусе виден большой хронологический зазор. Вернулся в Россию и поступил на опричную службу он летом 1567 г. А когда князь Темкин проявился с «именным назначением» в опричных войсках? Лишь через три (!) года. В мае-июне 1570 г. перед выходом большой армии «на берег» из Москвы был отправлен небольшой передовой отряд из опричнины — «дождаться... государева походу». Первым воеводой этой авангардной группы был поставлен Василий Иванович⁵⁷. Фактически, Темкин должен был играть роль глаз и ушей Ивана IV перед боевым выходом основных сил России на юг, в условиях, когда реальной стала угроза масштабного нападения крымцев. Эта угроза реализуется в 1571 и 1572 гг. Предметом особых опасений царя могла стать преданность собственных войск: только что закончился большой опричный поход в северные русские земли, и сопровождавшие его массовые репрессии способны были вызвать недовольство в армии. Только что пострадали земельные владения тех, кто отправлялся в поход, а возможно, и их семьи. Иными словами, перед Василием Ивановичем поставили весьма ответственную задачу, притом не только военного свойства.

Через год весной Василий Иванович удостоился примерно того же задания, что и в 1570-м: он пошел вторым воеводой опричного передового полка⁵⁸, когда к Оке для большой оборонительной операции против крымцев выдвигались основные силы земской армии, а с ними — опричный корпус. Во главе передового полка поставили тогда князя М.Т. Черкасского, но он, считаясь человеком достаточно знатным для высокого командного поста, не вызывал особого доверия. К тому же, Михаил Темрюкович, как недавний выходец с Северного Кавказа, быть может, не вполне понимал русские реалии. То ли по подозрению в предательстве, то ли за провал сторожевой службы, князь Черкасский был казнен, и Василий Иванович должен был возглавить передовой полк.

Когда русская армия откатилась к Москве, опричный двор с Иваном IV, пройдя столицу, отступил дальше. Но с земцами, принявшими бой на подступах к городу, осталась часть сил опричного боевого корпуса — «опричный разряд». А разрядная книга сообщает о том, что он состоял тогда из двух полков — передового (при нем остались кн. В.И. Темкин и кн. Д.И. Хворостинин) и сторожевого (им командовали кн. П.Т. Шейдяков, боярин В.П. Яковлев и кн. В.А. Сицкий)⁵⁹. Таким образом, Василий Иванович, военачальник со сравнительно скромным боевым опытом, оказался во главе самостоятельного соединения. Его поставили оборонять от крымцев район Занеглименья⁶⁰, где располагался Опричный двор — одна из официальных резиденций Ивана IV⁶¹. Оборона столицы закончилась неудачно: город, подожженный отрядами хана Девлет-Гирея, сгорел, крымцы увели огромный «полон», армия, не выполнив стоявшую перед ней задачу, понесла огромные потери. Среди прочего пострадала и зона ответственности князя В.И. Темкина: в огне большого пожара Опричный двор исчез. Очевидно, именно эта военная неудача стала причиной, по которой Василий Иванович подвергся казни вместе с сыном Иваном, также ходившим в опричных воеводах. Синодик репрессированных содержит их имена⁶², по сведениям Курбского их разрубили на части⁶³, а

⁵⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 63.

⁵⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 74.

⁵⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 74.

⁶⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 281

⁶¹ Точное местонахождение Опричного двора (или, иначе, Опричного дворца) определено еще дореволюционным историком И.Е. Забелины. См.: Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича // История города Москвы. Неизданные труды. М., 2004. С. 345-354.

⁶² Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 544.

⁶³ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 332—333.

Генрих Штаден сообщает об утоплении Темкина⁶⁴. Очевидно, свидетельство Штадена, находившегося тогда в опричнине, более достоверно, нежели рассказ Курбского, пользовавшегося слухами, которые неведомыми путями приходили из-за русско-литовского рубежа.

Складывается парадоксальная картина: летом 1567 г. кн. В.И. Темкин возвращается в Россию из плена и попадает на службу в опричнину, но на протяжении длительного периода малозаметен там и совершенно не заметен в опричной военной иерархии. Очевидно, его социальный статус, его связь с родом опальных «княжат» и, видимо, не в последнюю очередь, прежняя служба Старицким, лишают его доверия Ивана IV и начальных людей опричнины. Но к концу 1569 — началу 1570 г. всё меняется: уже в октябре 1569 г. Василий Иванович участвует в заседании Боярской думы как боярин из опричнины⁶⁵, а через полгода назначается на ответственный воеводский пост. Теперь это доверенный человек! Каковы причины столь разительной перемены?

В.Б. Кобрин собрал обширные сведения о прямом и непосредственном участии кн. В.И. Темкина в опричных репрессиях⁶⁶. Однако факты, сконцентрированные В.Б. Кобриным, относятся к периоду, когда Василий Иванович уже был опричным боярином и воеводой. Очевидно, получение им боярского чина следует связывать с другим делом, в котором был весьма заинтересован лично Иван IV. Речь идет об осуждении митрополита Филиппа, выступившего с обличениями опричнины в конце 1567 — первых месяцах 1568 г. Материалы для суда над митрополитом Филиппом готовила большая следственная комиссия, работавшая на Соловках в мае—июне 1568 г. От церковных властей в ее состав вошел епископ Суздальский Пафнутий, а работой представителей светской власти, т.е. собственно следователей, руководил кн. В.И. Темкин-Ростовский⁶⁷. Судя по данным Жития святителя Филиппа, Василий Иванович не стеснялся применять радикальные методы «расследования»: обещание мзды за «правильные» показания сочеталось с пытками⁶⁸. Поскольку суд над опальным митрополитом завершился смещением его с кафедры (ноябрь 1568 г.) и ссылкой в тверской Отроч монастырь, очевидно, материалы, добытые Василием Ивановичем, были использованы и сыграли свою роль. После этого князь Темкин мог получить думный чин в опричнине, а его исключительная знатность позволила ему сразу же получить боярское звание, минуя околичничество.

Однако воеводские должности ему все еще не доверяли — даже после того, как дали место в Думе. В октябре 1569 г. была уничтожена семья Старицких: сам удельный князь Владимир Андреевич, его мать, жена, дочь, а также их слуги. Только после этого, несколько месяцев спустя, кн. В.И. Темкин-Ростовский появляется в опричных воеводских разрядах. А вместе с ним и другие военачальники, служившие раньше князьям Старицким или связанные с ними родством: князя Н.Р. Одоевский, А.П. Хованский и С.Д. Пронский, а также Г.Н. Борисов-Бороздин и Н.В. Борисов-Бороздин.

Аристократами, связанными так или иначе с домом удельных князей Старицких, разом, почти одновременно пополнили командование опричного боевого корпуса — после того, как сами Старицкие подверглись уничтожению. Вряд ли подобный «залп» может рассматриваться как простое совпадение. Так же маловероятно, что все они оказали Ивану IV какие-то тайные услуги, способствовавшие окончательной расправе над

⁶⁴ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 55.

⁶⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 665—666.

⁶⁶ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 77.

⁶⁷ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. В.Н.Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 236.

⁶⁸ Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 582—583.

Старицкими. Вероятнее другое: после гибели кн. Владимира Андреевича у многих людей, бывших его служильцев и родни, было отнято потенциальное «знамя», вокруг которого могла сплотиться группа аристократов в борьбе за смену монарха. Теперь они были разобщены. Теперь их можно было ставить во главе самостоятельных полевых соединений и полков на ответственных местах. Их одновременно бросили на важные посты в опричной армии, а не в земской, поскольку опричному боевому корпусу срочно требовались крупные военачальники, на которых не падало бы подозрение в «новгородской измене», стоившее жизни многим представителям старой опричной элиты (тем же Плещеевым, например). Тогда мы возвращаемся к вопросу, заданному в начале статьи: почему взяли именно этих, когда-то связанных со Старицкими?

Предлагается рассмотреть три версии ответа на данный вопрос.

Во-первых, возможно, в них видели людей, недостаточно обросших служебно-родственными связями с земщиной, поскольку значительную часть своей служилой биографии провели в уделе. Теоретически, на них можно было рассчитывать как на персон, недостаточно «своих» и в опричнине, и в земщине.

Во-вторых, именно эти военачальники считались особенно искусными, храбрыми, энергичными, обладали обширным командным опытом в обстановке боевых действий.

В-третьих, после уничтожения Старицких огромное количество людей могли быть объявлены причастными к их «делу», а оно основывалось на страшном обвинении: будто бы кн. Владимир Андреевич покушался на жизнь Ивана IV. Таким образом, те, кого не тронули — не арестовали, не сослали, не казнили по «делу» Старицких, должны были с удвоенной силой «отрабатывать» монаршую «милость».

Версию, изложенную второй, придется отбросить сразу. Все служилые аристократы, рекрутированные в опричную армию в 1570 г., были, что называется «средняками» среди русских воевод. Выше в подробностях перечислены их назначения до перехода в опричнину. У каждого имелся опыт армейского командования, но никто не имел его столь много, чтобы считаться крупным полководцем, искусным тактиком, как минимум, ветераном боевых действий. Впоследствии они показали себя как военачальники разных способностей: кн. С.Д. Пронский и кн. Н.Р. Одоевский проявили себя удачно, кн. А.П. Хованский — скорее напротив, а кн. В.И. Темкин-Ростовский оказался одним из главных виновников сожжения Москвы в 1571 г. Не видно ни малейшего признака того, что этих воевод отбирали для перевода в опричнину по критерию выдающихся талантов или хотя бы выдающегося по объему боевого опыта. Они, остается повторить, до 1570 г. должны были считаться «средняками».

Версия первая, при ближайшем рассмотрении, также должна быть отброшена. В опричнине кн. В.И. Темкин-Ростовский к 1570 г. пробыл уже три года, вероятно, успев войти в среду ее руководства; а его многочисленная родня служила в земщине на высоких воеводских постах, что показывают соответствующие разрядные записи. Что касается прочих, то они те же три года провели в земщине и так же обладали обширными родственными связями. Если бы хронологическая дистанция между ликвидацией двора Старицких и принятием всех этих персон в опричнину была ничтожной, тогда эта версия могла бы считаться основательной. Но сейчас нет причин опираться на нее.

По-видимому, третья версия наиболее правдоподобна. Страх отложенного наказания за существующие или несуществующие вины перед Иваном IV мог представляться действенным стимулятором в делах службы. Эта «стимуляция» распространялась на всех «старицких воевод», даже на кн. В.И. Темкина-Ростовского, который до того времени стремился завоевать доверие монарха иными способами. Ведь и ему не давали воеводских назначений до 1570 г.! Как видно, государь Иван Васильевич не мог отказать себе в удовольствии использовать людей с «компрометирующими связями».

Другое дело, что подобный способ подбора кадров — исходя из возможности лишний раз надавить на военачальника, а не из уровня его опыта и способностей, — не дал опричному боевому корпусу ничего хорошего. За «старицкими воеводами» на протяжении их пребывания в опричнине не числится никаких военных достижений. А вот сожженная татарами Москва надолго задержалась в народной памяти.

Володихин Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения отечественной истории Московского государственного университета, заместитель главного редактора журнала «Свой».

П.П. МАРЧЕНЯ
АЛКОГОЛЬ КАК ФАКТОР РУССКОЙ СМУТЫ:
НА МАТЕРИАЛАХ 1917 ГОДА

Сторонись, душа, оболью!
Русская народная поговорка (В.И. Даль)

Сухой закон вызывает жажду. <...>

Для нашего человека глоток свободы — это 100 грамм.

А.Ф. Давидович

Пьяный способен на такие дела, каких никогда не замыслил бы, если бы не выпил.

Дж. Лондон

Поймите меня правильно: всякий русский — милейший человек, покуда не напьется.

Р. Киплинг

Народ подкупить нельзя, но его можно сподать.

Неизвестный автор

Водка есть такая же политическая сила, как слово.

Л.Д. Троцкий

В комплексе вопросов, связанных с изучением различных аспектов действительного участия народных масс в истории (как и реальных проявлений феномена массового сознания на ее критических этапах), особое место занимает проблема научного осмысления места и роли алкоголя в политических событиях смут и революций. Эта тема представляет исключительный интерес для исследователя, не желающего упустить из виду одну из далеко не последних социально-психологических (или даже «социально-химических») предпосылок пресловутой «бессмысленности и беспощадности» русского (но, разумеется, не только русского) бунта. Особенно актуально осмысление алкогольной составляющей социально значимого поведения масс в тех случаях, когда бессмысленность и беспощадность массового насилия не только выглядят устрашающе иррациональными, но и действительно слабо поддаются рациональному осмыслению вне учета их «биохимической» составляющей.

Злоупотребления алкоголем издревле являются излюбленной питательной средой для роста и развития любых анархических и противоправных действий масс. Пьяные погромы, в которые зачастую выливались на практике многие увековечиваемые впоследствии во всевозможных «Хрониках революционных событий» так называемые «революционные движения», и совершаемые на этой почве массовые насилия и захваты, с удручающим постоянством характеризуют «нижние этажи» стихии народной жизни в «смутные времена» отечественной истории. Современные социологи указывают на неизжитую и в нынешней России актуальность «алкогольного фактора» в «переходные периоды» отечественной социальной жизни: «Проблема пьянства и связанных с ним последствий для России всегда была острой, болезненной. В силу целого ряда обстоятельств: характера народных традиции и обычаев, уровня культуры и материального благосостояния, особенностей природно-климатических условий — негативное воздействие данного социального явления на развитие сферы жизнедеятельности общества проявлялось в отличие от многих других стран особенно остро»¹. К этому стоит добавить, что в периоды качественных общественных трансформаций и исторических социопотрясений, свойственная значительной части российского общества традиция приема крепких напитков ударными дозами, получившая в соответствующей литературе

¹ Заиграев Г.Г. Особенности алкогольной ситуации в России 90-х годов // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М, 2000. С. 84.

наименование «северного стиля»², закономерно становится уже не только привычным средством снятия стресса, но и сильнейшим катализатором массовых беспорядков, способствуя эскалации всех форм социального насилия и девиантного поведения. Еще с эпических времен Василия Буслаева неизменно популярен в подвыпивших или желающих выпить массах адресно выверенный лозунг: *«Кто хочет пить и есть из готового — валися к Ваське на широкий двор»*.

Толпы нетрезвых сторонников такой — *буслаевской* — «политической платформы» и манипулирующие ими пассионарные авантюристы, вожди, вожаки и самозванцы, не единожды оказывали отнюдь не шуточное воздействие на исторические пути нашего государства. В ситуациях безвластия и потери «почвы» алкоголь становится политическим фактором истории, а мотивы и результаты массовых «революционных» волеизъявлений иногда напоминают побуждения и последствия массовых «традиционных» возлияний. Желание «попить, поесть и пограбить» является наиболее предсказуемым стимулом социальной психологии восставших масс, которые «вечным маятником» российской истории в очередной раз швырнуло из предельной крайности покорного равнодушия к политической жизни в беспредельную крайность неукротимой стихии разрушения во имя «русского размаха» и «русского разгула».

Актуализация и «политизация» подобных массовых настроений и архаических моделей поведения выведенных из равновесия и опьяненных вседозволенностью и собственноручно алкоголем масс, в свою очередь, создает идеальную атмосферу для «политических» лозунгов типа: «Грабь награбленное» (фактически традиционного: «Сарынь на кичку»). Очевидно, что пьяного легче подвигнуть на «экспроприацию экспроприаторов», особенно если предмет экспроприации будет и выпивка как повод к продолжению «праздника революции» (как говорили в народе, *«где вино, там и праздничек», «без блинов не масленица, а без вина не праздник», «кто празднику рад — тот до свету пьян»*...³). Очевидно так же и то, что энергию масс наиболее легко «выплеснуть на улицу», если масса «плеснет в себя». При определенных условиях, отношение масс к выпивке легко может служить не просто обычным средством манипуляции со стороны тех или иных политических сил, но и достаточно действенным орудием борьбы за власть. Поэтому алкоголь являлся (и является) мощным фактором, который можно использовать в политической борьбе. И особенно наглядно этот фактор проявляет себя во времена общероссийских смут. Смута-1917 не явилась исключением.

Показательно, что и смуте 1917 года, и смуте, начавшейся в 80-е годы XX столетия, предшествовали антиалкогольные кампании, вводимые в ходе которых ограничения на потребление алкоголя усугубляли (а в определенной мере даже порождали и генерировали) особую социально-психологическую атмосферу и динамику массовых процессов отечественных «смутных времен». Кстати, Смуте XVII века тоже предшествовали алкогольные преобразования 90-х годов XVI века, и, теоретически, можно предположить наличие определенной причинно-следственной связи между попытками изменений в этой сфере «сверху» и реакций на них «снизу», типичность которых находит выражение во всех трех «Великих смутах» российской истории. Однако этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи. Тем не менее, подчеркнем, что в генезисе русских смут можно усмотреть явную «алкогольную закономерность», включающую в себя повторяемую последовательность: смуте предшествует «сухой закон». Последний,

² См., напр.: Огурцов П.П. История формирования северного стиля потребления алкоголя в России // Алкогольная болезнь. М., 2000. № 6 — [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: http://www.magalif.ru/index.php?an=stat_alco_istformir

³ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева: (На примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 75, 280; Безгин В.Б. Крестьянская повседневность: (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004. С. 170.

в свою очередь, расстраивает один из важных механизмов сбалансированности в системе взаимодействия власти и общества России и подготавливает почву для прорыва стихии массового буйства.

Традиционным антиподом бессмысленности социально-политических действий и формой протеста против неадекватных шагов власти в России является пьянство (и, разумеется, хотя и не целиком обусловленный последним, но по-соседски тесно с ним взаимоповязанный бунт). Одним из своих «исконнейших» гражданских прав многие русские (еще раз оговоримся: конечно же, не только русские) люди считали (и, в большинстве своем, продолжают считать) «святое право», в ответ на любые несправедливости власти, социальные тяготы и неурядицы, всерьез напиться. По образному определению Бернарда Шоу, «алкоголь — это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь». А, выражаясь языком пословиц и поговорок русского народа, собранных В.И. Далем, «напиться» («зашибить дрозда, «сполоснуть зубы», «уйти под муху», «побыть на втором взводе») — это в первую очередь значит «двинуть от всех скорбей»... «Такую горечь — горьким и запить»... «Хошь не хошь, а выпить надо», ибо «пить — горе; а не пить — вдвое», «не пить, так на свете не жить», «без поливки и капуста сохнет»⁴.

Периодическое пьянство как архаический элемент народной карнавальной культуры традиционно являлось мерой сброса эмоционального перенапряжения в обществе с целью профилактики тотального бунта. Вообще, как сформулировал, например, Рене Генон, возможность циклического «карнавального» удовлетворения влечений «человека толпы» к «низшему», «темному», «зловещему», «сатанинскому», имеет важный социальный смысл: «...Он заключается в том, чтобы каким-то образом “канализировать” эти влечения и сделать их, насколько это возможно, безопасными, дав им возможность проявиться лишь на краткое время и при строго определенных обстоятельствах, заключив их тем самым в тесные рамки, которых они не в силах переступить. В противном случае эти склонности, не получая минимального удовлетворения, требуемого современным состоянием человечества, могли бы вызвать своего рода взрыв, чьи последствия сказались бы на всей совокупности как индивидуального, так и коллективного бытия, послужив причиной куда худшего беспорядка, чем тот, который допускается всего на несколько дней, специально отведенных для этой цели, и который, кроме того, куда менее страшен, поскольку он отчасти “регулирується” этими ограничениями, ибо, с одной стороны, карнавальные дни как бы выпадают из обычного распорядка вещей, не оказывая на него сколько-нибудь значительного влияния, а с другой — тот факт, что в них нет ничего непредвиденного, в некотором роде “нормализует” сам разлад и включает его во всеобщий порядок»⁵.

Власти предреволюционной эпохи не учли, что «сухой закон» в конкретно-исторических условиях России того времени являлся психофизиологическим фактором, не предотвращающим, а напротив — провоцирующим и продуцирующим смуту. Отчасти этим можно объяснить и «эпилептоидную» смену абсолютным большинством населения России, крестьянством, обычного «коллективного долготерпения» — на внезапные «вспышки стадной ярости»⁶. Ведь «...выпивка для крестьян являлась единственно доступным удовольствием, дававшим возможность на время забыть обычную тяготу и неприглядность жизни <...> В этом следует видеть проявление психологии

⁴ Показательно, что В.И. Далем собрано около четырех сотен русских народных поговорок, непосредственно посвященных теме пьянства (не считая косвенно с ней связанных). См., напр.: Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1993. Т.3. С.304-320.

⁵ Это соображения высказано Рене Геноном в декабре 1945 г. (См.: Guenon R. Sur la signification des fêtes carnavalesques // Etudes Traditionnelles. 1945. № 12), цит. по: Генон Р. О смысле карнавальных праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 47.

⁶ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 112.

русского мужика. Как надрывался пахарь в поле до разрыва жил, так он и пил вино, на полную катушку, до беспамьтства»⁷. «Ведь как мы работаем! — Ну, тоже и праздновать хочется. А как нам праздновать? В городе у вас кياتры (театры — П.М.) разные, музыка, катанья да гулянья, — а у нас какое веселье? Выпьешь бутылочку, зашумело в голове — вот и весело, вот и все наше мужицкое веселье!!!»⁸. Но особенно больно «сухой закон» бил именно по главным, авангардным революционным силам российских городов — по «фабричным» и «гарнизонным»: «богатая публика обходила запреты, в деревнях крестьяне гнали самогон, а вот рабочим, как и солдатам, приходилось терпеть жизненные тяготы на трезвую голову»⁹.

Лишенные возможности канализации социальной агрессии в привычной форме и доступным способом, массы копили энергию социального взрыва. Ущемленные в своем «естественном» праве «спускать пар» в пьяном забытии, дарующем хотя бы иллюзорное облегчение от всех жизненных невзгод (число которых, заметим, резко возросло именно накануне и в ходе смуты), взвинченные вынужденным временным воздержанием от алкоголя, — массы бросились активно наверстывать упущенное, когда смута «революционным порядком» отменила соответствующие ограничения и выпустила накопившееся напряжение в социальную сферу. Аккумулятивный «сухим законом» массовый психологический «пар» вырвался со страшной силой, сокрушая основания признанного несправедным «старого мира».

Несложно заметить, что разрушать вообще сподручнее, да и гораздо «веселее», спьяну. Однако, как давно уже подмечено самим народом: «*вино сперва веселит, а там без ума творит*». На смену куражу пьяного «веселия» празднующей революционной хмельной карнавал народной Руси неизбежно заступала горечь тяжкого «похмелья», что усугубляло «революционное» ожесточение и пролонгировало желание вновь «развеселиться». Подобные микроциклы (круговорот которых вполне соответствовал логике еще одной русской народной поговорки: «*Перед хмелем падко, во хмелю сладко, по хмелю гадко*») в поведении определенной части активных участников изнаночной жизни русской революции оказывали заметное воздействие на динамику смуты. Как сформулировала в статье со знаковым наименованием «Алкоголь и русская революция» современная исследовательница Т.А. Павлова: «Не придавая роли алкогольной агрессии в насилиях времен русской революции исключительного значения, следует, однако, отметить: нарастающий вал кровавой, изощренной, часто бессмысленной жестокости в немалой мере был обусловлен массовым и систематическим отравлением людей плохо очищенным алкоголем. Потребление его растормаживало низшие инстинкты, страсти и влечения, отнимало способность критически оценивать свое поведение и объективную ситуацию, рождало импульсивность и неуправляемость. В свою очередь состояние абстиненции (похмельный синдром) множило чувства гнева, раздражения, озлобленности, стремление выместить на беззащитных людях любого класса и социального статуса... свою неконтролируемую агрессию. Эти психофизиологические процессы отчасти объясняют тот внезапный взрыв “революционной истерии”, который имел такие пагубные последствия для истории России»¹⁰.

Показательно, что многие свидетели, очевидцы и участники русской смуты 1917 года при описании самых разных ее событий, не сговариваясь, используют «алкоголесодержащую» лексику и непосредственно связанные с алкоголем эмоционально-художественные образы. «*Ты — бездомная, гулящая, хмельная, Во Христе юродивая*

⁷ Безгин В.Б. Указ. соч. С. 172.

⁸ Там же (цитируются воспоминания сельского школьного учителя Н. Бунакова — см.: Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 98).

⁹ Алексеев А. Падение монархии в России: заговоры и революция // Наука и жизнь. 2007. № 11. С. 62.

¹⁰ Павлова Т.А. Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. — 2000. — № 7. — С.173.

Русь» — с грустью, но и с какой-то смутной гордостью признавал Максимилиан Волошин. Другой русский поэт, Сергей Бехтеев, описывал революцию 1917 года более жестко: «Челядь под крики и звон топоров / Празднует праздник свободы / С песнями пляшут у ярких костров / Диких людей хороводы. / Льет сивуха; ликует разврат; / Боги летят с пьедесталов; / Зычно скликает погромный набат / К падали красных шакалов. / Шапка упала к ногам звонаря; / Ждать, мол, осталось немного: / Выкинул он из России Царя, / Выкинет кстати и Бога. / Грозно удары гудят и гудят, / Колокол плачет и стонет; / Пьяный народ под зловецкий набат / Совесть навеки хоронит»¹¹. Термином «кабак»¹² определял вообще всю совокупность «ослепительных достижений Февраля» И.Л. Солоневич. О «революционной сивухе»¹³, отравлявшей сознание русского народа и русской интеллигенции, писал С.Н. Булгаков. Наиболее типичным можно признать умеренное высказывание Н.В. Устрялова, который так охарактеризовал охвативший не только массы, но и элиты, постфевральский «алкогольный синдром»: «Да, все мы, даже самые трезвые, были хоть на миг, хоть на пару дней опьянены этим хмельным напитком весенней революции»¹⁴. По смыслу, подобные элитарные высказывания тождественны массовой присказке: «мартовское пиво с ног сбило». И таких признаний и оценок можно привести великое множество, что свидетельствует об их явной неслучайности.

Как «образец народного юмора», многими газетами в 1917 г. была перепечатана получившая широкое распространение (ходившая «по рукам») листовка («Декларация») самопровозглашенной «Партии алкоголиков» с «предвыборной агитацией» следующего, весьма показательного содержания:

«Граждане и Гражданки!!!

Голосуйте за список № 18.

Наш девиз:

«Алкоголики всех стран, соединяйтесь»

«Лишь в опьянении обретешь ты утешение»

Мы требуем:

1. Свободной повсеместной продажи питей[ного].

2. Всеобщего, прямого, равного, тайного и явного распития спиртных напитков, во всех видах и во всякой посуде.

3. Свободного выбора разного рода питей и закусок к ним, основанного на принципе самоопределения желудка всех народов без различия пола, возраста, вероисповедания и убеждения.

4. Гласного всенародного суда алкоголиков над представителями старой власти, за прекращение ими винной продажи и строгого наказания их вплоть до ссылки на каторжные работы без срока.

5. Полной амнистии и немедленного освобождения из всех мест заключения, при старом и новом режимах, производителей и продавцов ханжи, политуры, денатурата, кислушки, самогонки и пр. и пр. и пр.

6. Всеобщего бесплатного лечения всех пострадавших на почве алкоголизма.

7. Свободного возвращения домой, во всякое время, упившихся, без аннексий и контрибуций.

8. Войны до победного конца с женами, сожительницами, матерями и сестрами за СВОБОДНУЮ АВТОНОМНУЮ ВЫПИВКУ.

¹¹ См. Бехтеев С.С. Звонарь // Песни русской скорби и слез: За Веру Святую, за Землю Русскую, за Белого Царя — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://bokatch.com.ru/Bekhteeew.php>.

¹² Солоневич И.Л. Россия и революция. М., 2007. С. 386.

¹³ См.: Галин В.В. Война и революция. М., 2004. С. 80.

¹⁴ Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 204-205.

*Да здравствует РАСПИВОЧНО И НАВЫНОС.
Партия алкоголиков»¹⁵.*

А если серьезно, то, чтобы заметить, насколько имманентна проблема пьянства российскому политическому процессу 1917 года, действительно достаточно хотя бы бегло пролистать газеты и журналы этого времени. Терминология революционной прессы имела ярко выраженную алкогольно-тематическую направленность: «*общественное брожение*», «*массовое помутнение*», «*опьянение демократией*», «*политический кабак*», «*пьяный угар*», «*пьяный разгул*», «*градус революции*», «*революционная сила*», «*революционный хмель*», «*хмельная свобода*», «*горькое похмелье*»... и т.д. и т.п.

«*Русь снова пьяна, только не вином, а свободой*»¹⁶ — подобными фразами пестрели газетные заголовки и были переполнены тексты передовиц, не говоря уже о репортажах с мест и тем более фельетонах. Выражением высшей похвалы тому или иному политическому лидеру служил эпитет «*трезвый*» или «*трезвомыслящий*», в крайнем случае, хотя бы «*протрезвевший*» или «*отрезвленный*». Но даже при этом, как правило, констатировалось, что в текущем состоянии все равно ни одно *трезвое* слово не доходит до народного сознания.

Соответствующие алкогольно-лексические формулировки использовались и для обзора политических событий, и для оценок своего к ним отношения. «*Кажется, наше опьянение немецкой самогонкой под названием «большевиловщина» кончилось*», — так, к примеру, констатировала (преждевременно, надо сказать) газета «Волжский день». «*Началось жестокое похмелье... Кряхтя и почесываясь, мы начинаем «подбирать» в уме, во что обошелся стране этот бесшабашный пьяный разгул*», — комментировались в статье «*Похмелье*» июльские события в Петрограде¹⁷.

Но, дело, разумеется, вовсе не в лексике. Как уже было отмечено, Смуты с самого начала де-факто был аннулирован царский — «недемократический» — сухой закон. И уже 28 февраля в революционном Петрограде профессор Б.В. Никольский прозорливо записал: «...Везде одно и то же: любопытство, веселое ощущение полной безнаказанности, сдерживаемое тайным страхом, изредка пьяные и гулянье, гулянье и гулянье. Словом, анархия на себя смотрит и удивляется. Боже упаси, когда хлебнет вина и попробует крови...»¹⁸.

И действительно, провозглашенная Февралем демократия была воспринята как, в том числе, возможность утолить накопившуюся жажду. «*Глоток свободы*» перестал быть для масс всего лишь фигуральным выражением и приобрел конкретное и понятное всем наполнение. Винные погреба, аптеки, заводы по производству спиртного и склады для его хранения и т.п. естественные очаги анархии — с наступлением «революционной демократии» превратились в объекты стратегического значения, в ситуациях любых массовых беспорядков куда более привлекательные для масс, чем хрестоматийные вокзалы, почты и телеграфы. Все большее число «революционных акций» совершалось с целью завладеть спиртным и воспользоваться им по прямому назначению. Но известно, что, разогнав тоску, бывает трудно остановить веселье. И еще большее число пресловутых акций совершалось, так или иначе, под влиянием спиртного. Как признают современные историки, «значительная часть революционных акций совершалась либо с целью завладеть спиртным, либо под воздействием алкогольных паров, и может классифицироваться не иначе как пьяные погромы»¹⁹.

¹⁵ Цит по: Славянова З.М. Лубочная литература 1917 г. // Революция 1917-18 гг. в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1918. С. 106-107.

¹⁶ См., напр.: Симбирская народная газета. Симбирск. 1917. № 9 (11 мая).

¹⁷ Волжский день. Самара. 1917. № 154 (18 июля).

¹⁸ Цит. по: Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133.

¹⁹ Рынков В. Водка казённая, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 50.

Не будет большим преувеличением в обобщающем утверждении, что именно алкоголь был одним из важных факторов, не просто характеризующих образ смуты, но придающих некое единство самой смуте в целом, — он служил фактором, объединяющим представителей самых различных классов, сословий, социальных статусов, гендерных ролей, демографических групп, географических регионов и т.д. В известном смысле, алкоголь эффективно участвовал в формировании главных социокультурных коммуникаций смуты, соединяя в один мутный поток события центральные и периферийные, городские и сельские, частные и общинные, гарнизонные и фабричные. В частности, как подметил В.П. Булдаков, одним из каналов «классового единения» в ходе «Красной смуты» было самогонварение, ставшее «своеобразным каналом «смычки» города с деревней, осуществляемой через вконец распоясавшихся солдат»²⁰. Причем, по его же выражению, уже «к лету (1917 г. — П.М.) солдатская пьянь и большевизм слились в некий неразделимый развеселый образ»²¹.

В архивах сохранились аутентичные аналитические обзоры Главного Управления по делам милиции МВД Временного правительства, в которых даны экспертные оценки поэтапного перерастания «демократических перемен» в типичные формы «деструктивного поведения масс»: различные «эксцессы», захваты, самосуды, погромы, и, наконец, фактически антигосударственные выступления. Погромы, охватившие в результате всю «демократическую» Россию (постепенно превращавшиеся в один «всероссийский погром») самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в возбужденные сходными желаниями «массы». Они «объединяли погромные черносотенные элементы дореволюционного времени с последователями самых крайних левых течений. Политические организации перестают владеть настроениями масс, и это порождает анархию слева и контрреволюционные настроения справа...». Эксперты МВД отмечали, что излюбленными объектами «революционных выступлений» разочаровавшихся в политике масс становятся склады спирта и винные погреба. Посланные на усмирение солдаты очень часто охотно примыкают к бесчинствующей массе. Обозначается явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих. «Все чаще и чаще разгром направляется на винные склады и пьяная толпа своими бесчинствами терроризирует население городов. Одновременно аграрное движение приобретает характер продовольственных эксцессов и, перебрасываясь в города, сливается с солдатским погромным движением в один широкий поток»²².

Характерное обобщающее описание места и роли «алкогольного объекта» (в данном, пожалуй, наиболее распространенном случае, спиртового завода со складом) в общественной жизни обычного российского городка периода «февральской демократии», дано П.Н. Красновым в статье «Около спирта», опубликованной в журнале «Нива» в июле 1917 г. В ней он описывает типичнейшую картину накопления предпогромных настроений, закономерно приводящих к типичнейшему пьяному погрому: «В городе... не все ли равно в каком городе, в одном из многочисленных маленьких городов, рассеянных по лицу земли Русской <...> был казенный спиртоочистительный завод и склад винного спирта и денатурата. И вот, с того самого дня, как пришли в этот город солдаты — все достопримечательности города обратились в ничто... Объектом всеобщего наблюдения, местом всеобщих прогулок стал спиртовый завод и склад. Спиртовый завод не работал, но склад был полон. И это слово «полон» звучало как набатный звон <...> спирт постепенно охватывал внимание, колдовал мозг, мучил сознание всей этой людской массы <...> ходили с ведрами, ждали чуда... И чудо вышло. Чудо случилось. Кристальной струей забил живительный фонтан, но принес с собою не жизнь, а

²⁰ Булдаков В.П. Красная смута... С. 114.

²¹ Там же. С. 123.

²² См.: ГАРФ. Ф.1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 47, 52, 151 Об., 152, 153 Об.

смерть многим людям <...> Пьянели сотнями, галдели, вырывали друг у друга котелки, толпились и падали под ноги перепуганных лошадей, били друг друга, целовались друг с другом, орали песни, от бешеного восторга переходили к озлоблению и тут же умирали с кровавой пеной на губах... В погребах были целые бассейны денатурата. И люди прильнули губами к фиолетовой, жгучей, отвратительно пахнущей жидкости и тянули ее полными губами, полным ртом. Слышались стоны, пьяные песни, проклятия, и на маленьком кусочке земли толклись тысячи обезумевших людей. Кто-то догадался поджечь спирт. Толпа ахнула и заревела, когда громадное голубое пламя метнулось из погребов <...> Вой пламени сливался с ревом, хохотом, дикими возгласами и улюлюканьем толпы <...> Это была страшная победа спирта над людьми. Более 100 трупов, как после какого-то сражения, лежало вдоль железнодорожного пути. Сто человек отдали свою молодую и кому-то так нужную, кем-то далеко любимую жизнь. За что?.. Два дня и две ночи бушевало море огня, выжигая кругом... И два дня ходила, шаталась и неистовствовала пьяная толпа, наводя ужас на обывателей. Пьяные люди врывались в мирные дома, перерывали имущество, толкали женщин, били детей, искали спирта. Нужно было опохмелиться, нужно было затуманить мозг, заставить себя позабыть все ужасы пережитого... "Сатана там правил бал!.."» — подытожил П.Н. Краснов свой рассказ о характернейшем явлении «смутного времени»²³.

Описанная история не является художественным вымыслом или литературной гиперболой. Случаи, когда в ходе пьяных погромов и захватов винных погребов, спиртовых заводов и складов солдаты целыми десятками напивались до смерти, широко известны²⁴. Как об обычных, проходных эпизодах своего участия в Первой мировой войне, вспоминал, например, бывший солдат Д.Е. Моргачев: «Начальство прислало охрану — выгонять из склада и вытаскивать утопленников. А еще дальше был спиртной завод. Баки со спиртом были пробиты пулями, и спирт разлился, и не менее двух десятков солдат, опившихся и уже мертвых, валялось вокруг. И сюда поставили охрану. Так продолжалось несколько часов, потом пошли дальше...»²⁵. Пожалуй, наиболее часто цитируемым в публикациях, посвященных роли алкоголя в политической жизни России 1917 года, документальным описанием «классического» солдатского пьяного погрома являются воспоминания очевидца о погроме, произошедшем в небольшом уездном городке Острогжске Воронежской губернии: «Началось нечто невероятное. Пили из ведер, солдатских котелков и просто перегнувшись через край огромного чана; пили тут же из бочек, пили во дворе, усевшись у стенок подвала. К заводу бежали со всех сторон всякие проходимцы. Теснота и давка в подвалах нарастали с каждой минутой. Солдаты, чтобы не лазать по гладким и скользким стенкам чанов и не черпать водку, перегибаясь через стенки, просто простреливали чаны из винтовок. Струйки водки лились прямо в котелки. Но, разумеется, большая часть спиртного стекала на пол. Вскоре в подвале ходили по пояс в водке. Кто падал, больше уже не вставал, тонул в ней. Тут же возникали драки пьяных из-за места у бочек и чанов, из-за прохода в подвалы. Все кончилось чрезвычайно печально. То ли кто-то, выпив, решил закурить в подвале и бросил горящую спичку, то ли кто-то зажег спичку, чтобы найти упавшего товарища, но вдруг в подвале вспыхнул пожар, который моментально охватил все помещение. Началась страшная паника. Все ринулись к выходам. Образовались пробки. Люди с громкими воплями выскакивали из подвалов и с воем катались по земле, стара-

²³ Краснов П.Н. Около спирта // Нива. 1917. № 29 (22 июля). С. 448-451.

²⁴ См.: Булдаков В.П. Красная смута... С. 29.

²⁵ Моргачев Д.Е. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы. М., 1989. С. 250-251.

ясь потушить свою горящую одежду. Многие пьяные так и не выскочили, сгорели»²⁶. Подобных свидетельств можно привести еще множество.

Но в таком специфическом — *алкогольно-погромном* — контексте, поставленный вопрос до сих пор сложно отнести к числу всесторонне и исчерпывающе представленных в обширнейшей историографии российских революций. Затронем отдельные историографические пласты этой темы. В частности, на рубеже XX-XXI вв., после очередной провальной попытки властей ввести в нашей стране «сухой закон», некоторые аспекты взаимоотношений российской исторической действительности и алкоголя стали предметом специальных исследований. Вышел целый ряд посвященных выявлению указанной ретроспективы монографических работ²⁷. Было опубликовано изрядное множество отражающих те или иные фрагменты темы конкретно-исторических статей по близким к рассматриваемому периоду временам²⁸ (в том числе и зарубежных авторов²⁹). Было защищено несколько диссертаций по отечественной истории³⁰, появились

²⁶ Цит. по: Сухов Ф. Русское пьянство. От царя Гороха до наших дней // Планета. 2007. № 1. — [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.planeta.by/article/172> (Правда, в тексте статьи автор ошибочно именуется Острогоржск «Острогоржском» — прим. П.М.).

²⁷ См., напр.: Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005; Валеев И.И. Алкоголь в России: история и современность. Уфа, 2006; Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007; Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005; Их же. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-1930 гг. СПб., 1999; Левин Б.М. Радости и горести питья сквозь призму политики. М., 2006; Такала И.Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

²⁸ См., напр.: Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии?: Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-30-е гг. // История СССР. 1989. № 1. С. 60-73; Звягин С.П. Сибирское земство и самогонование в 1918-1919 гг. // История крестьянства в России. СПб., 2000. С. 112-115; Коржихина Т.П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 20-32; Кузнецов А.И. Потребление алкоголя сельским активом Сибири глазами крестьянства 1920-х гг. // Народ и власть: история, источники и методы исследования. М., 2000. С. 228-232; Он же. Самогонование в сибирской деревне как фактор конфликта между крестьянством и властью // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 74-82; Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74-88; Луков Е.В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории Белой Сибири // История Белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 79-83; Орлов И.Б. «Класс — он тоже выпить не дурак»: Краткий курс российского пьянства на заре советской власти // Солидарность. 2002. № 16. С. 14-15; Павлюченков С.А. Ильич в запое // Родина. 1997. № 11. С. 47-53; Рынков В.М. Винная монополия в автономной Сибири // ЭКО. 2000. № 12. С. 157-162; Он же. Водка казённая, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 21-23; Тихомирова Н.М. Объективные интенции к росту алкогольного потребления в послеоктябрьской России // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 1999. № 5. С. 53-59; Ее же. Производство и потребление алкоголя в первые годы нэпа: механизм контроля и формы противодействия // Источник. Историк. История: Сборник научных работ. Вып. 1. СПб., 2001. С. 509-528; Шекшеев А.П. Власть и енисейское крестьянство: отношения на почве самогонования (1917 — начало 1930-х годов) // Вестник КрасГУ. Сер. Гуманитарные науки. Красноярск, 2006. № 3. С. 26-30; Яров С.В. К вопросу о причинах роста алкоголизма в 1920-х годах // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 42-44.

²⁹ См., напр.: Мак-Ки А. Сухой закон в годы первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914-1917 гг. // Россия и первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 146-159; Треншел К. Проблема пьянства в России и антиалкогольная кампания в годы первой пятилетки (1928-1933) // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 91-93.

³⁰ Только по специальности 07.00.02 см., напр., дис. ... канд. ист. наук: Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX XX вв.: преступность, пьянство, проституция: На материалах Пензенской губернии. Пенза, 2002; Карандашев Г.В. Питейное дело в губерниях Центрально-промышленного района России в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 2006; Кузнецов А.И. «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг. Новосибирск, 2005; Николаев А.В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894-1932 гг.: опыт отечественной истории. Тольятти, 2002; Па-

даже специальные учебно-методические работы³¹. Появились и отдельные публикации по теме, непосредственно посвященные отдельным эпизодам революционной эпохи³², и работы обобщающего характера³³.

И все же о конкретно-историческом значении пьяных погромов в российском политическом процессе между Февралем и Октябрем 1917 г. сказано еще далеко не все. Гораздо более известны и изучены пьяные погромы, прокатившиеся уже после захвата власти большевиками, прописанные в исторической литературе преимущественно в контексте борьбы с ними нового режима. В некоторых работах можно даже обнаружить довольно странные утверждения, что и сам этот феномен появился лишь с Октябрем, а до этого как бы и не существовал вовсе. Так, например, в статье «Провинциальная хроника революций начала XX века в России: алкогольный аспект», читаем буквально следующее: «С началом Октябрьского переворота в повседневную жизнь россиян вошло новое явление — “пьяные погромы”»³⁴.

В настоящей статье сделана попытка взглянуть на поставленную проблему через призму вопроса, который принято считать основным в революции. Как известно из классиков, это *вопрос о власти*. Чтобы избежать обвинений в чрезмерных обобщениях, можно проиллюстрировать масштабы влияния «пьяных факторов» на общественные процессы в период между Февралем и Октябрем и соответствующую политическую борьбу на местах только на конкретно-исторических материалах Поволжья. При этом сознательно не станем использовать богатейшие материалы, свидетельствующие о погромном движении в поволжской деревне и победившей в сельской местности «аграрной анархии». (Хотя, при всей относительной изученности «черного передела», роль алкоголя в крестьянских выступлениях также осталась на периферии исторической науки. А ведь большинство погромов в деревне начиналось с локальной пьянки сбегавших с фронта односельчан, плавно перераставшей в «массовое революционное движение»).

Сосредоточимся исключительно на городских событиях и попытаемся проследить причинно-следственные связи между пьяными погромами, прокатившимися по поволжской провинции, и политической борьбой за власть **на примере массовых городских самарских погромов в мае 1917 года**. Сохранившиеся неопубликованные архивные документы (в том числе уникальные свидетельства очевидцев, собранные в свое время Самарским истпартом), материалы периодической печати различной партийной и общественной ориентации, и некоторые опубликованные источни-

нин С.Е. Повседневная жизнь советских городов — пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг.: На материалах Пензенской губернии. Пенза, 2002.

³¹ См., напр.: Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогонварением в Советском государстве (1917-1985 гг.): Учеб.-метод. материалы. М., 1988.

³² См., напр.: Гапеева М.С. Средние слои населения г. Владикавказ: революционизация повседневности // КубГАУ: Исторические науки. Краснодар, 2006, № 21 (05). С. 96-105; Данилова М.Д. Несколько штрихов к октябрьским дням 1917 г. в Ярославской губернии // Новый мир. 2001. № 4. С. 220-222; Канищев В., Протасов Л. «Доъем романовские остатки!» Пьяные погромы в 1917 году // Родина. 1997. № 8. С. 62-65; Павлюченков С.А. Веселие Руси: Революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 133-142.

³³ См., напр.: Булдаков В.П. Красная смута...; Канищев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917-1918 гг. Тамбов, 1995; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М, 2001.

³⁴ См.: Савченко М.В. Провинциальная хроника революций начала XX века в России: алкогольный аспект (По материалам Пензенской губернии) // Конференция на историческом факультете МГУ: «Ломоносов-2001» — [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/savchen.htm>.

ки представляют собой в высшей степени любопытный материал для исследования поставленной проблемы³⁵.

С 1 по 3 мая в Самаре не утихал грандиозный пьяный погром. Немногочисленным трезвым гражданам открылись воистину сюрреалистические картины апофеоза отечественной «демократии». Огромные толпы обезумевших от жажды горожан и «гостей города» громили винные магазины, склады, погреба, аптеки. Пили в соответствии с «народными рецептами»: «из полуведра, да не чарочкой, а в припадочку». Пили все, что горит, и закусывали там же награбленным. Пили из бочек до тех пор, пока упившегося не отгаскивали более трезвые, занимавшие его место. От бутылок, чтобы не тратить время, прямо на месте отбивали горлышки. В страшной толкучке люди резали себе губы и руки, но не переставали пить, обливаясь вином и кровью.

Жизнь города была полностью парализована. На улицах шатались буйные и валялись полумертвые. Совет рабочих, военных и крестьянских депутатов вынес резолюцию о чрезвычайных мерах³⁶. Был введен комендантский час, принято решение «виноградное вино в бочках, прокисшее и испорченное, совершенно уничтожить, а коньяки, водки и неиспорченное вино перевезти в винный склад», «прекратить немедленно продажу из аптек и аптечных магазинов тройного одеколона». Склады и подвалы Жигулевского пивоваренного завода и ряд винных погребов были затоплены с помощью городских пожарных команд. Многие из одержимых Бахусом бросались в плавать в образовавшиеся пенные потоки и жадно пили, некоторые захлебывались и тонули в мутных хмельных лужах. Долго не прекращались попытки попробовать, сильно ли разбавлено растекающееся по проезжей части вино.

Алкогольные напитки, до которых еще не успели добраться страждущие, повсюду уничтожались отрядами вооруженных рабочих Трубочного завода Самары (Масштабы «алкогольных ликвидаций» иллюстрируют следующие цифры. Только в одном из магазинов — магазине Пятова — было уничтожено 10 тысяч бутылок вина и 20 пятидесятиведерных бочек. Только в одном из складов — складе Иванова — было уничтожено 7 тысяч ведер вина...).

Сразу отметим, что Трубочный завод имел устойчивую репутацию главного бастиона местного большевизма. Закономерно, что и главную роль в вооружении рабочих отрядов и организации подавления массовых беспорядков в Самаре сыграли именно большевики. Но, несмотря на вооруженное патрулирование улиц и аресты самых активных любителей выпить на халяву и от души побуяннить (патрулями рабочих и солдат, в том числе с личным участием членов Советов Рабочих и Военных депутатов, было арестовано 234 человека, из них 143 солдата и 38 рабочих)³⁷, погромная вакханалия продолжалась еще трое суток. Толпы с криками: «Смерть буржуазии!», «Выпьем все у буржуев!», «Пустим» их по миру!» и т.п. — продолжали искать бутылки, невзирая ни на какие увещания властей «беречь завоеванные демократические свободы». Перефразируя известное высказывание И.С. Тургенева о том, что Венера Милосская несомненнее принципов Французской революции, можно констатировать, что бутылка оказалась для толп гарнизонных солдат, местных рабочих, обывателей и маргиналов, а

³⁵ См.: Государственный архив Самарской области (далее — ГАСО). ФП. 3500. Оп. 1. Д. 202. Л. 17; Д. 210. Лл. 56-58 и др.; Волжский день. Самара. 1917. №№ 92, 93, 94, 97, 98; Волжское Слово. Самара. 1917. №№ 91, 94; Солдатская газета. Самара. 1917. № 20; Приволжская Правда. Самара. 1917. №№ 11, 13; Известия Совета рабочих депутатов. Самара. 1917. № 43; Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий. Т. 1. Самара, 1927. С.91-94; Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии 1902-1917 гг. Куйбышев, 1969. С.465; и др.

³⁶ Солдатская газета. Самара. 1917. № 20; Волжский день. Самара. 1917. № 93; Блюменталь И.И. Указ. соч. С. 90.

³⁷ Приволжская Правда. Самара. 1917. № 13; Блюменталь И.И. Указ. соч. С. 92.

также приехавших в город на поиски лучшей доли губернских крестьян куда «несомненно», чем «принципы Февральской буржуазно-демократической революции».

Итоги «печальных событий», как мягко именовали пьяные погромы самарские газеты, оказались неутешительны. Городу был нанесен ущерб более чем в миллион рублей³⁸. По улицам текли розовые ручьи, рядом валялись налакавшиеся грязного разбавленного вина разнообразные домашние животные жителей Самары и, разумеется, сами «отдельные жители». Как иронизировали местные репортеры, коровы и свиньи тоже с удовольствием сосали «необыкновенную воду», «сосали с аппетитом, как переодетый городской». «Но все же приятнее видеть пьяную свинью, чем пьяного человека...»³⁹

Затем, как обычно, начался «поиск врагов», виновных во всем случившемся. Большевистская «Приволжская правда», по своему всегдашнему обыкновению, обвинила во всем черносотенцев, охранников, переодетых в солдатскую форму городских, жандармов и прочих «слуг старого режима», к которым, дескать, присоединились уголовные и тому подобный «темный элемент»⁴⁰. Парадоксальным образом, в унисон выступил и главный местный орган печати «Партии Народной Свободы», который, несмотря на разгул «народной свободы», продолжал по привычке винить царя и «слуг низвергнутого Николая». Воистину, «пьяный проспится, а дурак никогда»: за погромами «прозорливые» самарские либералы увидели угрозу «восхода старого солнца — Солнца самодержавия», и с упорством, достойным лучшего применения, заклинали массы сказать виновникам решительно: «Урядник, удались немедленно!»⁴¹.

Однако в Приказе № 137 от 3 мая начальника Самарского гарнизона указывались иные «враги демократии»: «Люди, ненавидящие Россию и, несомненно, состоящие на службе наших врагов, проникли в действующую армию с настойчивостью, характеризующей наших противников, и, по-видимому, выполняя их требования, проповедуют необходимость окончить войну как можно скорее. Одновременно с этим в стране идет усиленный призыв к неповиновению и погрому... Не верьте предателям, проповедующим погромы, непослушание... власти в лице Временного правительства...»⁴².

Обвинения в организации погромов «бывших городских и жандармов» оказались напраслиной. Из 234 задержанных не оказалось ни одного из бывших полицейских. Командиры рот, сформированных из чинов и жандармов, прислали в редакции газет гневные письма, в которых осуждали погромы и выражали готовность встать на защиту молодой свободной России от всяких на нее посягательств⁴³. При отсутствии неопровержимых прямых документальных доказательств того, кем были организованы погромы (если они вообще были «организованы»), можно все же задать классический детективный вопрос: кому они были выгодны, какая политическая сила смогла воспользоваться их «плодами»?

На материалах Самары можно констатировать, что «пьяные погромы» послужили там универсальным и безотказным инструментом организации большевиками основных боевых ячеек будущей «гвардии»⁴⁴. Самарские майские погромы дали отголоски по всей губернии. Так, 4 мая аналогичные события произошли в Бугуруслане, 7 мая тот же сценарий разыгрался в Белебее, 17 июля — в Новоузенске, 24 августа — в Ни-

³⁸ Блюменталь И.И. Указ. соч. С. 91.

³⁹ Волжский день. Самара. 1917. № 94.

⁴⁰ Приволжская Правда. Самара. 1917. №№ 11, 13; Блюменталь И.И. Указ. соч. С. 91.

⁴¹ Волжский день. Самара. 1917. № 92 (2 мая).

⁴² ГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 6. Л. 149.

⁴³ См.: Волжский день. 1917. №№ 95, 98.

⁴⁴ Подробнее см.: Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 84-95.

колаевске... и т.д. И такие же события предшествовали и окончательному оформлению Красной гвардии в октябре 1917 г. накануне переворота: 2-3 октября прокатились «пьяные погромы» в Бузулуке, 3 октября — в Николаевске и Пугачеве, 10-11 октября — в Бугульме... И всюду погромы подавлялись вооруженными отрядами «Красной гвардии» или так называемыми «Военно-революционными комитетами». Они специально создавались по такому случаю, вооружались, а после «восстановления порядка» оставались в полной боевой готовности.

Погромы терроризировали обывателя, а еще Алексис Токвиль отмечал, что революциями управляет страх. Большевики сумели мобилизовать в своих интересах обе крайности массового сознания — и стремление к анархии, и желание твердой власти. Пьяные погромы деструктурировали власть и обнажали ее бессилие, они давали большевикам возможность вооружаться под предлогом наведения порядка и оставлять оружие в ожидании подходящего случая. Сама деятельность по подавлению погромного движения служила безопасной репетицией будущих активных вооруженных действий, позволяла завоевывать политический капитал у населения на фоне падения престижа лишенной возможности эффективно действовать законной власти, приучала население к организованному насилию, придавала легитимности антиправительственным акциям большевиков, подготавливала сознание масс к будущему перевороту. Отработанная схема «погром — организация Красной гвардии — подготовка к перевороту» типична не только для Самарской губернии. Напротив, она прослеживается во многих и многих населенных пунктах России, что может стать предметом особого исследования.

Представляется очевидным, что затронутая тема не утратила своей актуальности в наши дни. Конечно, пьяные погромы не относятся к событиям нашей истории, которыми стоит гордиться. И может возникнуть вопрос: «А надо ли это вспоминать?». Уместно ответить словами А.И. Солженицына: «...не надо вспоминать! зачем ворошить прошлое? — это так больно, это сыпать соль на старые раны! Так тем опаснее станет для нас Февраль в будущем, если его не вспоминать в прошлом. И тем легче будет забросать Россию в ее новый роковой час — пустословием. Вам — не надо вспоминать? А нам — надо! — ибо мы не хотим повторения в России этого бушующего кабака, за 8 месяцев развалившего страну»⁴⁵.

В заключение подчеркнем: несмотря на очевидно значимую и неприглядную роль алкоголя в социально-политической истории 1917 года, было бы в корне неверно интерпретировать революционные события этого времени как всего лишь пьяное безумие смуты. Ошибочны или даже преступны попытки свести горькую правду народа в революции к алкогольной биохимии народных эксцессов, а результаты массовых волеизъявлений — к последствиям массовых возлияний. Напротив, автор убежден, что массовые проявления общественной жизни России в ее критических ситуациях (даже если они и выглядят как проявления катастрофического социального безумия) подчинены исторической логике более высокого порядка⁴⁶.

Павел Петрович Марченя — кандидат исторических наук, доцент, доцент Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного Центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

⁴⁵ Солженицын А.И. Наши публицисты // Солженицын А.И. На возврате дыхания. М., 2004. — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://www.rodon.org/sai/np.htm>

⁴⁶ См., напр.: Марченя П.П. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 82-99; Его же. Психология масс и партий в русской революции: от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». 2009. № 3. С. 23-34; Его же. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». 2009. № 17. С. 212-227.

С.В.АЛЕКСЕЕВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА 2008-2010 ГГ.:
ПРОГНОЗЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, РЕАЛИИ

Нынешний экономический кризис породил целую волну своеобразных ожиданий как позитивного, так и катастрофического свойства. Касаются они, причём, зачастую, не только и не столько собственно экономических проблем, сколько проблем социально-политических и геополитических. Дань этому поветрию отдают как публицисты, так и некоторые академические эксперты. С одной стороны, подобные ожидания есть явление закономерное. Экономические кризисы минувших двух столетий всегда приводили к тем или иным социальным потрясениям и изменениям. Кризис экономический неизбежно влечёт за собой ту или иную форму кризиса социального. Что же касается геополитической темы, то вполне понятно, что экономические потери вполне могут привести к потере политического веса теми или иными государствами. Однако, с другой стороны, подлинной науке следует быть весьма осторожной в прогнозах общего порядка. Одно дело — краткосрочное (а при некоторых условиях и долгосрочное) прогнозирование конкретных социальных и экономических тенденций. Другое дело — предсказания глобально-исторического плана, при которых мы с неизбежностью вступаем в область спекуляций. Если даже общие исторические тенденции предсказуемы (но никогда с безусловной точностью), то привязка их проявления к данным конкретным событиям требует тщательного анализа и осторожности в выводах. Потому данный текст будет посвящён не столько самим предсказаниям позитивных или негативных «катастроф», сколько их проверке на основательность. Материалом для такой проверки служат, с одной стороны, уже состоявшиеся факты кризисного периода, с другой — сопоставительный материал по прежним кризисам, в том числе часто сопоставляемой с нынешним Великой Депрессии.

Начнём с изменений геополитических. Для прогнозов как профессиональных, так и непрофессиональных экспертов в последний год наиболее характерны ожидания упадка глобальной роли США. С этим связаны появившиеся в информационном поле всевозможные теории передела мира, в которых претендентами на ту или иную долю наследства Pax Americana выступают ЕС, Китай, изредка Россия. Характерно при этом, что иные прогнозы указывают на возможность даже усиления глобальной или «империалистической» роли США.

Какие возможные и уже обозначившиеся геополитические реалии стоят за этими предсказаниями? Очевидно, что США явились ядром и причиной нынешнего экономического кризиса и, соответственно, страдают от него на данной фазе больше, чем другие развитые страны. Невозможность для отдельных развитых стран справиться с кризисом самостоятельно побуждает искать новые формы международного сотрудничества. В том числе США вынуждены в большей степени считаться с мнением своих европейских партнёров. Это совпало с некоторой активизацией общеевропейских органов на международной арене, ростом их веса и авторитета. Все эти факты побуждают действительно ожидать некоторое ограничение влияния США, — что в реальности и происходит. Но одновременно по мере развития кризиса последний втягивает в свою орбиту и Европу, что находит политическое отражение, в частности, в ослаблении единства ЕС, углублении обособленности «новой Европы». Последняя, страдая от кризиса наиболее катастрофично, не получает ожидаемой поддержки от ядра ЕС. В этих условиях притязания аналитиков на роль новой «Империи» для ЕС выглядят поспешными. Вообще, торжество «эгоистической» линии борьбы с кризисом полностью нивелирует вышеописанные тенденции. Такая линия может как раз привести к укреплению политической роли США — и к полной деструкции «единой Европы».

Социально-политические ожидания от кризиса в основном сводятся к давно предсказываемому «концу капитализма»¹. Крайними формами этих предсказаний являются утверждения об уже наступающем на Западе «социализме» и о грядущей едва ли не кастовой «корпоратократии». Причём последняя, по ряду вариантов, способна даже заменить собой государство как таковое, осуществив политическую глобализацию под своей властью. Здесь прогнозирование окончательно перетекает в конспирологию — для разговоров на поле которой необходимы или большая фантазия, или глупая информированность. «Говорящий не знает — знающий не говорит».

Так что обратимся к социальным реалиям. Действительно, в ряде развитых западных де-факто произошли глубокие преобразования, изменившие социально-экономическую структуру. Прежде всего на данном этапе это касается отношений собственности. Немалая часть крупной частной собственности перешла (по официальной позиции — временно) под государственное управление. Государства вмешиваются в ценовую политику частных компаний, в систему оплаты труда и выплаты дивидендов. По сути, данные «реформы» обозначают радикальный отказ от основополагающей с начала 80-х гг. теории «свободного рынка», и в этом плане можно говорить о «конце капитализма». Если считать «капитализмом» исключительно общество «свободного рынка». Не вдаваясь в терминологический спор, отметим лишь, что термин «государственный капитализм» принят отнюдь не только в советской науке. Но данные «реформы» лишь на первый взгляд напоминают «государственно-капиталистические» меры 30-х гг. вроде «Нового курса» Рузвельта или попытки создать «всеобщее благоденствие» в 70-х. Прежние попытки «государственного капитализма» в основном исходили из стремления ослабить крупных частных монополистов и поставить их на службу государству. Нынешние меры скорее воссоздают монополистическую систему, обращая государственные бюджеты на поддержку избранных крупных компаний, остающихся де-факто частными. Не только экономический, но и политический вес последних, часто оставляемых без зримой конкуренции, только возрастает. Потому постановка вопроса о «корпоратократии» — правда, пока вполне капиталистической по духу — в известном смысле обоснованна.

Другая группа социальных ожиданий основывается на прогнозировании не эволюционных перемен, а революционных потрясений². Это характерно как для крайне левых политических деятелей и публицистов (относящихся к подобному роду явлениям позитивно), так и их оппонентов (боящихся катастрофического развития событий). Причём предсказания «революций», изначально касавшиеся в основном стран «догоняющего развития», теперь имеют в виду всё чаще и развитые страны Запада. Почвой

¹ Wolf M. The rescue of Bear Stearns marks liberalization's limit// Financial Times. 25.03.2008 — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: http://www.ft.com/cms/s/0/8ced5202-fa94-11dc-aa46-000077b07658.html?ncklick_check=1; Madrick J. The End of the Age of Milton Friedman// Time magazine. 31.03.2008 — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/jeff-madrick/the-end-of-the-age-of-mil_b_94228.html; Galbraith J.K. The Collapse of Monetarism and the Irrelevance of the New Monetary Consensus. Marietta, 2008 — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://utip.gov.utexas.edu/papers/CollapseofMonetarismdelivered.pdf>; Фурсов А.И. Прощальный поклон капитализма. Статья первая — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article17585.htm>; Статья вторая — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article17606.htm>; Портнова О. Маркс восстал из пепла// Телеграф, 24.02.2009 — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://www.telegraf.lv/index.php?gid=26&id=43596>; Уго Чавес позвал Барака Обаму присоединиться к нему на пути к социализму — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://www.internovosti.ru/text/?id=15461>.

² Boyes R. New age of rebellion and riot stalks Europe// The Times, 21.01.2009 — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/europe/article5563020.ece>; O'Neil P. European leaders fear civil unrest over economic woes// Ottawa Citizen, 23.01.2009. — [Электрон. ресурс] — Режим доступа: <http://www.ottawacitizen.com/European+leaders+fear+civil+unrest+over+economic+woes/1210245/story.html>.

для этого стали массовые беспорядки, охватившие целый ряд государств Европы с началом кризиса. В ряде случаев (Греция, Исландия, Латвия, Литва, Болгария) они были прямо направлены против органов государственной власти. Однако сам ход этих беспорядков в большинстве примеров показывает, что мы имеем дело отнюдь не с «революцией». По накалу они не могут быть сопоставлены даже с событиями в США или Франции конца 60-х гг., не говоря уже о социальных боях эпохи Великой Депрессии. Заметим, что ни то, ни другое не привело к «концу капитализма». По сути, в большинстве стран мы имели дело с разовыми всплесками, даже скорее «выплесками» протестной энергии, которые только в Исландии и Латвии быстро привели к реальным политическим изменениям. Последние при этом были произведены без всякого участия «улицы» и в рамках действующего конституционного порядка. Особый вопрос — ситуация в Греции, где затяжные и ожесточённые беспорядки чередуются и сливаются с террористической «городской герильей» анархистских групп. Однако вооружённая борьба последних с правительством и в целом греческий политический кризис начались ещё до кризиса экономического. Так что Греция едва ли может быть «эталонном» для всех стран Европы. Опять же, ситуация там едва ли пока имеет «революционный» характер.

При всём сказанном, как раз исторические параллели приводят к мысли о том, что более или менее заметные социальные изменения неизбежны. Конкретные социально-политические последствия экономических кризисов далеко не всегда проявляются в первые их месяцы или годы. Здесь опять же показателен пример Великой депрессии. Для нашего времени дополнительной причиной замедленной реакции общества может являться долгий период известной «стабильности», приверженность «норме». По мере накопления психологической усталости от кризиса и параллельного разрушения привычной социальной «нормы» общественная напряжённость неизбежно нарастает. В этих условиях возможны самые разные потрясения основ. Следует иметь в виду, что в развитых странах выросли целые поколения, не знавшие, за весьма локальными исключениями, массового социального насилия. Этот в общем-то сдерживающий фактор может легко превратиться в условиях кризиса в свою противоположность — в отсутствие сдерживающих механизмов. Тревожный симптом — и проявившийся в последнее десятилетие феномен политиков-«шоуменов», проходящих даже на высшие посты за счёт молодости, экзотического поведения, скандальной популярности. Это имеет довольно печальные параллели в истории 20-х — 30-х гг. С другой стороны, явление дискредитирует и окончательно десакрализует государственную власть. Итак, социальные потрясения в развитых странах вполне возможны — но едва ли они будут благотворны.

Представляется интересным рассмотреть само происхождение радикальных ожиданий, носящих массовый характер и сопровождающих практически любой экономический кризис XX в. Значимость этих ожиданий велика — поскольку они сами по себе способны продуцировать и программировать общественно-политические события. Корень их, по всей видимости, — собственно «большой» общественный кризис эпохи модерна. Все экономические кризисы минувших двух веков разворачиваются на фоне непрекращающихся и подталкиваемых ими общественных перемен. Перемены эти беспрецедентны на фоне всей предшествующей истории цивилизованного человечества. На долю практически каждого поколения выпадают глубочайшие преобразования в мировоззрении, жизненном и социальном укладе, политической карте мира. Ожидания итоговой и решительной перемены («конца» империализма, капитализма, глобализации) от каждого конкретного кризиса есть свидетельство усталости человечества от кризиса «большого», ожидания его конца.

Ожидания эти тем легче облачаются в интеллектуальную, «экспертную» форму, чем чётче обозначаются общеисторические тенденции развития современного социума.

Тенденции эти описаны многократно и могут быть суммированы следующим образом. Развитие высоких технологий приводит к перетеканию рабочих рук из непосредственно производственной сферы в сферы умственного труда и услуг. Одновременно резко возрастает роль науки и образования. Создание гигантских транснациональных корпораций на практике ведёт к утрате буржуазией рычагов управления. Функции руководства производственным процессом переходят к менеджерам. Встречным процессом является развитие акционерного капитала, позволяющее стать формальными совладельцами капиталистических предприятий значительной части «среднего класса». Немаловажным фактором общественной и идейной жизни явилось резкое возрастание с развитием электронных СМИ роли прессы. Она претендует на роль «четвёртой власти», её творцы — на место в «политическом классе». В новом общественном укладе, идущем на смену классическому индустриальному капитализму, основными ценностями представляются информация и высокотехнологичные отрасли знания. Потому этот уклад определяется как постиндустриальное или информационное общество. Интеллектуальные слои, занимающиеся хранением и распространением информации, претендуют в нём на роль правящего класса. При этом они охотно аккумулируют в себя значительную часть старой «буржуазии» и «среднего класса».

Поскольку именно интеллектуалы (или относящие себя к таковым) составляют «экспертное сообщество», то неудивительно, что чаяния данного общественного слоя находят отражение в исторических прогнозах. Собственно говоря, в области «футурологии ближнего прицела» мы имеем одно из наиболее ярких отражений часто поминаемого в последнее время феномена «экспертократии». Последняя не только влияет на выработку решений органами государственной власти, но и способна формировать общественное мнение.

Стоит отметить, впрочем, что будущее общества отнюдь не «предопределено» раз и навсегда. Если обратиться к конкретным проектам и прогнозам общественного переустройства, то увидим, что сегодняшние его образы сильно разнятся. Не сбрасывая со счетов сохраняющуюся популярность социалистических и коммунистических идей, следует отметить, что наиболее убедительную оппозицию в борьбе проектов будущего можно обозначить как «Меритократия vs нетократия». Первая концепция, восходящая к Д. Беллу³, рассматривает легальную «власть достойных» как способ дебюрократизации и преодоления негативных черт капитализма. Меритократия создаёт своеобразную естественную иерархию в обществе в зависимости от образования и квалификации. Любопытно, что к этой же схеме тяготеют модные ещё недавно «технократические» проекты⁴ и даже попытки конкретного изображения коммунистического общества в книгах крупнейших советских научных фантастов (И.А. Ефремова, А.Н. и Б.Н. Стругацких)⁵. Что касается слабых сторон меритократии, то они вполне показаны ещё создателем термина М. Янгом в его «Возвышении меритократии»⁶. Теория «нетократии» развивается преимущественно в негативном ключе (А.Бард и Я.Зондерквист⁷), но в ответ на вполне позитивные концепты некоторых современных идеологов (Р.Флорида с

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.

⁴ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М., 1969. См. также: Dusek V. Thorstein Veblen and the Technocracy Movement in the USA and elsewhere. Oxford, 2002; Segal H.P. Technological Utopianism in American Culture. Syracuse, 2005.

⁵ См.: Геллер Л. Вселенная за пределами догмы: Размышления о советской фантастике. Лондон, 1985; Ревич В.А. Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М., 1998.

⁶ Young M. Rise of Meritocracy, 1870-2033: An Essay on Education and Equality. London, 1958 — см. частичный перевод в кн.: Утопия и утопическое сознание. М., 1991.

⁷ Бард А., Зондеквист Л. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.

теорией «креативного класса»⁸, отдельные тексты Дж.Сороса⁹). Кроме того, создатели термина рассматривают нетократию, пусть критически, всё равно как неизбежность. В условиях нетократии обществом управляет теневой класс манипуляторов информации, действующий по принципу глобальной сетевой структуры. При этом нетократия может действовать и под прикрытием «корпоратократии», играющей в такой системе всё более декоративную роль.

Обращаясь к сегодняшней социальной реальности, мы можем видеть некоторые признаки «нетократии» — впрочем, в известном смысле они существовали на протяжении всей истории общества модерна с самого его становления. С другой стороны, очевидно, что любое «меритократическое» преобразование потребует слишком глубокого потрясения социальных и чисто психологических основ общества — к коему оно едва ли готово. Вообще же, о действительном перетекании социально-экономической гегемонии от «капиталистов» к каким бы то ни было «интеллектуалам» речь едва ли на сегодня идёт. В этом смысле показательна нашумевшая история с компанией Yahoo — разительный пример столкновения крупной собственности с интеллектуальным менеджментом. Неудачный для последнего. Впрочем, не исключено, что подобные коллизии только подталкивают становление самосознания «нового класса» и — соответственно — социальный переворот.

Как бы то ни было, ожидания от конкретного кризиса, скорее всего, действительно завышены. В нашей социальной действительности мы можем наблюдать лишь отдельные признаки нового общественного уклада (при любой версии его развития). О предпосылках к конкретному его воплощению речь, видимо, пока не идёт. Однако вполне возможно, что общественно-политические следствия данного экономического кризиса могут явиться не менее важным шагом на этом пути, чем следствия Великой депрессии.

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, заместитель заведующего кафедрой истории и международных отношений Московского гуманитарного университета.

⁸ Florida, R. The Rise of the Creative Class: And how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York, 2002.

⁹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.

С.А.ЧЕХОВСКАЯ (МосГУ)

Влияние социально-экономического развития Херсонеса на контакты с Египтом в период с IV по I вв. до н. э.

Экономическое развитие и социальная структура общества являются фундаментом, позволяющим судить не только насколько велика вероятность контактов между регионами, но и насколько общество созрело, чтобы воспринять чужую материальную и духовную культуру. В данной статье мы попробуем отразить контакты греческого города с Египтом колонии Херсонеса через призму социально-экономических отношений.

Находящийся на юго-западной оконечности Крыма Херсонес — единственная дорийская колония в Северном Причерноморье. Если переводить с греческого, это слово означает «полуостров», что отражает географическое местоположение города. Херсонесское городище находится в черте города Севастополя, на мысу в устье Карантинной бухты, лежащей на северном, изрезанном рядом глубоко выдающихся в сушу бухт и небольших заливов, побережье Гераклеийского полуострова¹.

В историографии долго господствовала точка зрения, что Херсонес Таврический был основан выходцами из Гераклеи Понтийской и с острова Делоса в 422/421 г. до н. э. Выселение какой-то части гераклеотов в Таврику было обусловлено острой социальной борьбой, которая происходила между аристократией и народом². Победу в ней одержали аристократы Гераклеи Понтийской, в результате чего часть демократически настроенных жителей вынуждена покинуть город. В результате этого и возникла новая греческая колония, подавляющее большинство населения которой составляли греки-дорийцы

По мнению современных авторов, основывающихся на археологические исследованиях на месте древнейшего поселения греков, задолго до основания Херсонеса эта территория была уже освоена. Сейчас мало что известно о поселении этого времени. Поэтому, при констатации факта наличия здесь раннего греческого поселения, историю Херсонеса начинают с конца V в. до н. э.³ В это время начинают появляться и немногочисленные материальные свидетельства контактов с Египтом⁴. Такие свидетельства единичны. Возможно, они говорят о случайном появлении каких-то путешественников. Возможно, эти случайные находки пришли через персов.

Экономически жизнь Херсонеса была основана на сельском хозяйстве. Каждый свободный член гражданской общины при основании новой колонии в свое владение получал землю для строительства дома в городе и земельный участок на сельскохозяйственной территории. Таким правом обладали только граждане. Первые земельные наделы члены херсонесской гражданской общины получили на Маячном полуострове. Этой земли хватало главным образом для того, чтобы прокормить семью. Так что вряд ли в это время можно говорить о каких-то широких контактах, тем более с Египтом. Наряду с сельским хозяйством начинает развиваться ремесло. А это повлекло за собой развитие внутренней торговли, которая базировалась на обмене продуктов сельского хозяйства на продукцию ремесла. С начала IV в. до н. э., этот обмен начал осуществляться посредством денежных отношений. На раннем этапе жизни Херсонеса внешняя

¹ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 45

² Тюменев А.И. Херсонесские этюды. М. 1938. С. 32

³ Там же. С. 86

⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. / Свод археологических источников. Вып. Г1-12. М., 1975. Т. 1. С. 29-40

торговля не играла определяющей роли в экономике. Но находки привозных амфор, столовой посуды и другой продукции ремесленных мастерских античных центров Южного Причерноморья и Средиземноморья позволяют предполагать, что постепенно Херсонес становился центром транзитной торговли.

Социальная структура населения этого времени была довольно проста. Основную массу жителей составляли граждане и члены их семей, которые были заняты в сельскохозяйственном производстве. Помимо граждан, в Херсонесе жили социально зависимые члены общества, в том числе рабы и свободные, но не имевшие прав метеки и ксены. Две последние группы населения не были владельцами собственности, поэтому были заняты в ремесленном производстве и торговле, объемы дохода от которых в это время были еще не особенно велики.

В середине — второй половине IV в. до н.э. в истории Херсонеса начинается новый период, который принято именовать эллинистическим. С первых десятилетий эллинистической эпохи начинается рост городской территории, и к III в. до н. э. Херсонес становится большим и важным городом. На территории его ведется интенсивное жилое и храмовое строительство, а также начинается освоение обширных сельскохозяйственных территорий. Если в конце V — первой половине IV в. до н.э. херсонесцы обрабатывали сравнительно небольшие участки на Маячном полуострове и, видимо, в окрестностях города, то на протяжении второй половины IV в. до н.э. была осуществлена и размежевка на наделы всего Гераклеийского полуострова площадью 10 тыс. га.

Наряду с освоением Гераклеийского полуострова ещё в конце V в. до н.э. херсонеситы проникают в Северо-Западный Крым, который уже был освоен греками-ионийцами, основавшими в VI в. до н.э. г. Керкенииду (совр. Евпатория), и выходцами с территории Ольвийского государства. По мнению большинства авторов, особый интерес к этому району Херсонеса был обусловлен не столько его торговыми интересами, сколько наличием в окрестностях Керкенииды плодородных земель, которые были слабо заселены. Здесь в IV в. до н. э. возникает целый ряд укрепленных опорных пунктов, а во второй половине IV — начале III в. до н.э. Херсонесское государство включило в свой состав Керкенииду. В это время Херсонес из небольшого автономного полиса превращается в центр территориального государственного образования, владевшего землями на Гераклеийском полуострове и в Северо-Западном Крыму. Законодательно новый тип государства был закреплён в присяге граждан Херсонеса, которую принимали все граждане новообразованного государства.⁵ Важным для экономики и торговли Херсонеса было указание свозить хлеб с равнины только в Херсонес. Следовательно, экономика Херсонесского государства того времени базировалась на хлебной монополии.

Вся зона Северного Причерноморья становится частью огромной эллинистической ойкумены. В это время резко увеличивается число свидетельств о контактах с Египтом. Правда, стоит признать, что в сравнении с Ольвией и Боспорским царством Херсонес порядком отстает по количеству египетских находок. К III в. до н.э. относится найденный на территории Херсонеса эпиграфический источник — алтарь, посвященный трем египетским божествам⁶.

После того, как херсонесцы освоили Гераклеийский полуостров и земли Причерноморья, в Северо-Западном Крыму наблюдаются определенные изменения в экономике. Освоение земель в Северо-Западном Крыму сыграло важную роль в экономическом расцвете Херсонеса. Причем этот процесс, по крайней мере, частично, носил характер военной экспансии, и здесь быстрее, чем на Гераклеийском полуострове, шло

⁵ Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. М. 1987. С. 9.

⁶ Виноградов Ю.Г. Золотарев М.И. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // СИССИТИА. СПб., 2000. С 284.

образование крупных хозяйств. Вследствие этого появился целый ряд крупных землевладений, где в более широких масштабах, чем в Херсонесе, использовался труд наемного населения.

С расширением сельскохозяйственных территорий хронологически совпадает, и подъем херсонесского ремесла, продукция которого поступала не только на Гераклейский полуостров, но и в Северо-Западный Крым. Со второй половины IV в. до н.э. начинается активизация торговли. Херсонес в течение почти всего IV в. до н.э. по своему экономическому и, вероятно, политическому положению во многом отличался от большинства других северопричерноморских греческих центров. До самого конца IV в. до н.э. город находился не только в экономической, но и в политической зависимости от своей метрополии. Он служил опорным пунктом, откуда Гераклея расширяла свое влияние на прилегающие северопричерноморские районы⁷. Из письменных источников до нас дошла проксения Тимогора Родосца⁸. Это самый ранний из дошедших до нас херсонесских декретов о проксении. Он указывает на установление торговых связей с таким крупным центром, как Родос. Стоит отметить, что большинство египетских находок попадали в Херсонес через Родос⁹.

Активизация торговли была обусловлена увеличением производства зерна и вина, которые создали благоприятные условия для вывоза этой продукции за пределы Херсонесского государства. Особенно интенсивные торговые контакты поддерживались с античными центрами Южного Причерноморья (Синопой и Гераклеей Понтийской), а также Нижнем Поднепровьем и Нижнем Подоньем, куда вывозились достаточно крупные партии херсонесского вина. Возможно, египетские изделия поступали на территорию Херсонеса посредством контактов с Южным Причерноморьем. Развитие посреднических торговых операций явилось мощным стимулом для увеличения производства товарной продукции, и в первую очередь вина.

Изменения, которые произошли в экономике на рубеже IV-III в. до н.э., отразились на социальном составе населения. В это время в среде гражданской общины выделяется социальная верхушка, которая владела значительной в масштабах Херсонеса земельной собственностью и участвовала в крупной морской торговле. По своему имущественному положению к ним примыкали богатые ксены и метеки, которые в силу возможностей, создаваемых торговлей и денежным обращением, могли скопить достаточно большие состояния. Как уже замечено в историографии, в это время значительно улучшилось материальное положение подавляющего большинства граждан Херсонеса, так как после присоединения Северо-Западного Крыма часть доходов, поступавших из этого района, шла на нужды гражданского коллектива

На другом полюсе херсонесского общества стояли рабы и другие группы социально-зависимого и неполноправного населения. Однако в силу специфики экономического развития Херсонесского государства сейчас нет оснований говорить о наличии здесь значительных масс рабов. Здесь преобладал труд иных, не рабских, социально-зависимых групп населения, а основную массу составляли мелкие свободные производители. Именно они владели и обрабатывали три четверти земель на Гераклейском полуострове.

В эту группу входили полноправные граждане-землевладельцы и свободные, но не полноправные жители. Последние были заняты в ремесле и мелкой торговле, но систематически не использовали чужой труд. Мелкие свободные производители в Херсонесе были ведущей силой в материальном производстве

⁷ Кац В.И. Внешняя торговля в экономике античного Херсонеса (V-II вв. до н.э.). М., 1967. С. 13

⁸ Соломоник Э.И. Указ. соч. С. 9

⁹ Там же. С. 14.

С момента своего основания Херсонес являлся полисом с демократической системой управления, которая просуществовала до конца античной эпохи. Политическими правами в Херсонесе пользовались только граждане. Метеки, ксены и социально зависимые группы населения, среди которых были выходцы из варварской среды, стояли вне рамок политической организации.

Главным органом законодательной власти было народное собрание, которое решало основные вопросы внешней и внутренней политики. Высшим исполнительным органом является Совет, в состав которого теоретически мог быть избран любой гражданин. В системе государственной власти определенное место занимал «царь», именем которого назывался год. Астиномы наблюдали за правильностью мер веса, объема и чеканкой монет, а агрономы за рынками и порядком в городе. Кроме этого, известны казначей государства, казначей священных сумм, гимнасиархи, ведавшие воспитанием юношества, и симмнаоны, которые следили за изготовлением надписей. Для экстраординарных мероприятий избирались эпимелеты. По своей форме государственное устройство Херсонеса было демократичным, но фактически в нем постепенно ведущую роль стали играть представители наиболее зажиточной части населения. Участие в государственном управлении не оплачивалось и, естественно, за свой счет в нем могли участвовать лишь достаточно зажиточные люди. Практически в управлении государством участвовал ограниченный круг лиц¹⁰.

Во второй четверти III в. до н.э. изменения, которые произошли в степной зоне Северного Причерноморья, привели к возникновению в Крыму позднескифского государственного объединения с центром в Неаполе Скифском. Скифы начали переходить к оседлости. Поэтому они должны были искать земли, пригодные не только для кочевого скотоводства, но и для занятия земледелием. Особенностью этого процесса было то, что наряду с освоением новых, пригодных для возделывания земель в предгорьях скифы стремились захватить уже освоенные греками территории в Северо-Западном Крыму, набегам подверглась ближайшая округа города.

Во второй половине II в. до н.э. позднескифское государственное образование, во главе которых находились энергичные правители Скилур и его сын Палак, значительно усилилось и активизировало свое давление на Херсонес. Своими силами город не мог справиться со скифами, и вынужден был обратиться к царю Понтийской державы Митридату VI Евпатору. До нас дошел почетный декрет в честь Митридата Евпатора, прибывшего в Херсонес для переговоров незадолго до Диофантовых войн, когда он послал в Крым войска во главе с полководцем Диофантом, — помочь Херсонесу в войне со скифским государством, а заодно укрепить свои позиции в Крыму¹¹. Оказание военной помощи Митридатом повлияло на политический статус граждан. После гибели Митридата VI Евпатора начинается новый период, который принято именовать римским¹². Судя по источникам, был период, когда Херсонес еще держался за митридатовское прошлое. До нас дошел декрет в честь посла боспорской царицы Динамии. Он также свидетельствует о военно-политических связях с Боспором¹³.

Стоит отметить, что на рубеже веков появляются свидетельства о контактах с сарматами из Неаполя Скифского¹⁴. Что, конечно, говорит о процессах слиянии нескольких культур в единое целое. На протяжении первых веков нашей эры Херсонес находился в русле римской политики и был тесно связан с Империей. В государствен-

¹⁰ Античные города Северного Причерноморья. С.34.

¹¹ Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. М., 1987. С. 18.

¹² Античные города Северного Причерноморья. С. 87.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ Сымонович Э.А. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского // Советская археология. 1961. №1. С. 180.

ном строе Херсонеса власть сосредотачивается в руках социальной верхушки, в первую очередь тех семей, которым были дарованы права римского гражданства. Этому способствовала и политика римской администрации, которая в зажиточных слоях населения видела свою опору. Оставляя формально нетронутым городское самоуправление Херсонеса, римская администрация путем целенаправленной политики создавала здесь аппарат, который был полностью подчинен интересам империи.

Как считает В.М. Зубарь, сложившееся положение было выгодно подавляющей массе населения, так как проримская политика и присутствие римских войск создавали предпосылки для спокойной жизни и получения доходов, хотя большинство членов гражданской общины фактически и было отстранено от участия в политической жизни.

Возможно, именно благодаря Риму активизировались контакты с Александрией. В I в. н. э. в Херсонесе появляются прямоугольные тарелки, кондоры и кубки с рельефным орнаментом в виде дубовых листьев, желудей ветвей и плодов оливы, листьев плюща которые покрыты желто-бурой или зелено-желтой поливой. Основными центрами производства таких сосудов были Александрия, Пергам и другие города Малой Азии¹⁵.

С этого времени в Херсонесе располагался стационарный римский гарнизон. Надо признать, что египетские находки в это время появляются в большем, но сравнительно с Ольвией и Боспорским государством по-прежнему в небольшом количестве. Интересно отметить, что чаще всего это местные подражания, такие как миниатюрный фигурный сосуд, изображающий Гарпократа на гусе.

Объем египетского импорта, как и ранее, был небольшим, хотя экономика африканских провинций в это же время переживала подъем. Очевидно, из Египта в Херсонес ввозилась некоторая часть изделий из египетского фаянса, среди которых стали преобладать ребристые бусы бирюзового цвета. Они могли сопутствовать импорту краснолаковых светильников, украшенных типично египетскими сюжетами в виде Зевса-Аммона, Сераписа, быка Исиды, Анубиса и Гарпократа¹⁶.

Расширение с середины II в. римского присутствия привело к подъему местного ремесла и особенно посреднической торговли. По замечанию В.М. Зубаря, подавляющее количество античных вещей обнаружено при раскопках в Юго-Западном Крыму.

На основании этого он предположил, что экономический расцвет был обусловлен не интенсификацией производства, а вовлечением в сферу экономической жизни Херсонеса ресурсов и населения сравнительно обширных территорий Таврики. Поступление значительного количества продуктов сельского хозяйства в город при ограниченных возможностях собственной сельскохозяйственной территории способствовало развитию херсонесского рынка и росту объема выпуска товарной продукции городского ремесленного производства. Увеличение спроса варварского населения на местную и привозную ремесленную продукцию было важным стимулом для резкого подъема не только производства, но и торговых операций. Нет оснований говорить о значительном удельном весе труда рабов в материальном производстве. Здесь преобладали иные социально-зависимые группы населения.

В римский период связи с Египтом активизировались. Появляется много подражаний на египетскую тему.¹⁷ С середины — второй половины III в. можно обозначить следующий этап в развитии Херсонеса. Он связан с кризисом Римской империи, кото-

¹⁵ Костюшко-Волженич И.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 // Известия императорской археологической комиссии. 1906. Вып. 20. С. 28; Марченко И.Д. Об античных глазурированных сосудах из музеев СССР // Краткие сообщения ИА АН СССР. М.; Л., 1971. Вып. 128; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. — V в. н.э. Харьков, 1975. С. 25.

¹⁶ Античные города Северного Причерноморья. С.46.

¹⁷ Рыжов С.Г. Бронзовая фигурка Исиды из Херсонеса // Советская Археология. 1992. № 1. С. 284.

рый был усугублен варварскими нашествиями, вошедшими в историю как «готские», или «скифские» войны.

Сейчас установлено, что во второй половине II и первой половине III в. экономическое развитие Херсонеса стимулировалось расширением разносторонних связей с населением равнинных и предгорных районов Юго-Западного Крыма. Но после варварских походов и гибели позднескифских городищ картина меняется. Во второй половине III — начале IV в. экономическим партнером Херсонеса уже выступает население горных долин Юго-Западной и южной Таврики. Однако, как свидетельствует археологический материал, применительно к этому времени нельзя говорить о глубоком кризисе экономики города. Можно лишь констатировать, что изменилась структура сельскохозяйственного производства, в котором большую роль стало играть производство зерна и животноводство, и направления экономических связей, которые по-прежнему оставались важным фактором экономического развития.

Как и ранее, отношения гражданской общины с администрацией империи регулировались на основании императорских рескриптов. Но город теперь контролировался не наместником провинции Мезия, а префектурой Востока. После вывода римского гарнизона Херсонес не был оставлен Империей на произвол судьбы. Прямая военная помощь была заменена денежными субсидиями на содержание гарнизона. Кроме денег гарнизону выделялись материалы для производства специального вооружения — баллист, которые предназначались для стрельбы стрелами или дротиками с тяжелыми наконечниками.

До недавнего времени считалось, что гуннским нашествием заканчивается античная история Северного Причерноморья и Херсонеса в частности. Однако сейчас этот вывод пересмотрен. Установлено, что, разгромив аланский союз племен, гунны ушли на запад к границам Римской империи. А Херсонес, как и другие античные центры региона, серьезно не пострадал. Основная масса гуннов в Северном Причерноморье появилась позднее. Это произошло не ранее середины V века, когда после смерти Аттилы и ряда поражений гуннское раннеклассовое государственное объединение распалось. Гунны из Подунавья откатились в Северное Причерноморье, но на этот раз они не тронули греческих центров, а лишь влились в состав их населения.

Подытоживая всё сказанное, можно сформулировать следующие выводы. Начиная с конца V в. до н. э. появляются единичные свидетельства о контактах Херсонеса с Египтом. Однако экономическое положение региона указывает на то, что эти находки говорят скорее о случайном прибытии каких-то путешественников, или появились опосредованно через персов.

Изменения, которые произошли в экономике на рубеже IV-III вв. до н.э., привели к активизации торговли Херсонеса и появлению непосредственных контактов с Египтом. Очевидно, из Египта в Херсонес ввозилась некоторая часть изделий из египетского фаянса.

Во II-I вв. до н.э. экономическое развитие Херсонеса характеризовалось развитием сельского хозяйства, в том числе зерна и животноводства стимулировалось расширением разносторонних связей с другими регионами. Это привело не только к появлению массовых контактов с Египтом, но и к включению египетской культуры в собственную (появлению подражаний).

А.И.ФЕДОРЕЦ (МГУ)
Исповедные ведомости XVIII века как исторический источник
(на примере Москвы)

В современной исторической науке идет поиск новых подходов к давно уже известным материалам. Церковная статистика в целом и исповедные ведомости в частности — это один из немногих массовых источников XVIII столетия, притом источник, обладающий большим потенциалом. Как таковой, он привлекал внимание многих ученых. Традиционно исповедные ведомости (они же исповедные росписи) и метрические книги используются при генеалогических изысканиях, особенно когда интерес исследователя прикован к представителям непривилегированных сословий, изучение которых вне материала исповедных ведомостей и ревизских сказок в принципе невозможно.

Новый подход к материалам церковного учета населения обозначился в 1960-е годы, когда В.М. Кабузан предложил использовать этот «ценный, хотя и незаслуженно забытый источник» в историко-демографических исследованиях¹. Он впервые провел критический разбор ряда исповедных ведомостей и пришел к выводу, что они дают, пусть и с некоторыми оговорками, вполне достоверные данные.

Призыв В.М. Кабузана извлечь исповедные ведомости из архивов и провести на их основе анализ социально-демографических процессов был услышан. К концу 1980-х годов появляются региональные исследования, частично претворившие его в жизнь. Так, Н.А. Варламова, опираясь на данные исповедных росписей, предлагает картину размещения населения петербургских приходов². Одна из задач статьи — показать на практике особенности работы с исповедными ведомостями. Фундаментальный характер носит статья Б.Н. Миронова³. Автор сравнивает исповедные росписи с другими статистическими источниками XVIII — первой половины XIX века: ревизскими сказками и административно-полицейскими данными. Вывод, к которому он приходит, таков: церковный демографический учет «дает в руки исследователя достаточно надежные данные о численности, социальной и отчасти профессиональной структуре сельского и городского населения. Некоторую неточность церковного учета следует принимать в расчет, но это не должно останавливать исследование, ибо совершенно точных данных вообще нет»⁴. Те же сюжеты подробно разбираются в монографии Б.Н. Миронова «Русский город в 1740-1860-е годы»⁵. Он рассматривает многообразные аспекты существования города на протяжении этого периода, и прежде всего автора интересуют социально-демографические сюжеты. Так, в одной из глав он немалое место отводит классификации сословий в разных видах демографического учета.

Из новейших исследований, базировавшихся на материале исповедных ведомостей, стоит упомянуть статью О.В. Щербачева⁶, в которой он прослеживает историю московских дворянских родов. Автор обращает внимание на то, что взятые за опреде-

¹ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963. С. 82-84.

² Варламова Н.А. Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения Петербурга // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 187-196.

³ Миронов Б.Н. Исповедальные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 102-117.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е гг.: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

⁶ Щербачев О.В. Исповедные ведомости московских сороков как источник по генеалогии дворянства середины XVIII века // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 12. СПб., 2003. С. 25-52.

ленный временной промежуток исповедные росписи позволяют проследить межсловные связи, и что именно здесь становится очевидной вся зыбкость и условность хрестоматийного деления российского общества на сословия⁷.

Несомненный интерес представляет сборник «Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник»⁸. Сборник условно можно разделить на две части. Первая часть включает статьи, ориентированные в основном на изучение источниковедческих проблем, возникающих при использовании материалов церковной статистики. Вторая часть посвящена методам обработки данных, извлекаемых из метрических книг, исповедных и клировых⁹ ведомостей. Хронологически сборник охватывает XVII — начало XX века, однако основной массив статей приходится на XIX век. Тематически большая часть сборника посвящена метрическим книгам. Единственным близким к нашей тематике исследованием оказывается статья М.А. Марковой по истории населения Санкт-Петербурга и столичной губернии в 1730-1740-е годы¹⁰. Исследование построено на материалах исповедных ведомостей.

Другими словами, современная наука проявляет усиленный интерес к исповедным ведомостям. В специальной исторической литературе, где так или иначе затрагивались исповедные ведомости, содержатся хаотичные, разнородные, хотя порой и меткие наблюдения по поводу информационной ценности этого источника. Ни один из перечисленных выше исследователей не пытался изучить этот вопрос систематически, то есть посвятить самостоятельную работу проблемам источниковедческой оценки исповедных ведомостей. Поэтому данная разновидность церковно-статистических документов нуждается в пристальном внимании и специальном изучении как исторический источник. В частности, необходимо твердо установить внутреннюю структуру данного источника, стабильность его формуляра, определить список основных исследовательских направлений, по которым есть возможность использовать данные, извлеченные из исповедных ведомостей; кроме того, следует выявить основные причины искажения социальной информации, содержащейся в них, а также ограничения при использовании подобного рода документации. Эта задача и решается в рамках настоящей статьи.

Для решения перечисленных выше вопросов удобно использовать московский материал, поскольку от этого города сохранился крупнейший комплекс исповедных ведомостей, находящихся, в основном, в прекрасном состоянии¹¹.

Исповедные ведомости московских приходов дошли до наших времен в составе комплекса материалов Московской духовной консистории¹², органа местного церковного управления, хранящихся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) ¹³. Самые ранние из сохранившихся ведомостей датируются 1737 годом¹⁴, позд-

⁷ Там же. С. 30-31.

⁸ Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007.

⁹ Клировые ведомости содержали информацию в первую очередь о священнослужителях, а также о состоянии того или иного прихода.

¹⁰ Маркова М.А. Источники по истории населения Санкт-Петербурга и столичной губернии: 1730-1740-е гг. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 103-120.

¹¹ Другой крупный комплекс, связанный с Санкт-Петербургом, уже получил освоение в названных статьях Н.А. Варламовой и М.А. Марковой.

¹² Консисторией она становится в 1742 году, до этого она называлась Московской духовной дикастерией.

¹³ ЦИАМ (Центральный исторический архив г. Москвы). Ф. 203. Московская духовная консистория. Оп. 747. Исповедные ведомости церквей г. Москвы и уездов Московской губернии.

¹⁴ В описи Духовной консистории ЦИАМа (№ 747) напротив дел № 1 и 2 (исповедные ведомости Замоскворецкого и Пречистенского сороков соответственно) ошибочно указан 1734 год вместо 1737-го. Одна из причин того, что более ранние ведомости не сохранились — грандиозный московский пожар 1737 года, в котором выгорели многие документальные фонды.

нейшие — 1915-м. В 1737 году был введен единый порядок составления и формы исповедных ведомостей, о чем ниже будет сказано подробнее. Московские росписи формировались по сорокам. Сорок — это церковно-административная единица, аналогичная современному благочинию¹⁵. В разное время в Москве было от пяти до семи сороков, в XVIII столетии — пять-шесть. Исповедные ведомости по входившим в сорок приходам сшивались в единую книгу — ведомость по сороку. От 1737, 1740 и 1741 годов сохранилось пять ведомостей (по Замоскворецкому, Ивановскому, Никитскому, Пречистенскому и Сретенскому сорокам). От 1738 и 1739 гг. осталось лишь по одной ведомости. Следует учесть, что росписи церковей самого маленького, Китайского, сорока появляются только с 1748 г. (непонятно, почему: то ли в 1737-1747 годах этот сорок не существовал, то ли его росписи сохранились хуже прочих)¹⁶. Следовательно, наиболее ранние исповедные ведомости, которые дают информацию по большей части церковей Москвы, — это ведомости за 1737 и 1740-1741 гг.¹⁷

Возникновение исповедных ведомостей было напрямую связано с расколом и шло в общем русле церковных реформ второй половины XVII века. Так, еще Собор 1666-1667 годов принял постановления, согласно которым приходским священникам вменялось в обязанность вести регистрационные книги свадеб, смертей, исповедовавшихся и неисповедовавшихся. Первоначально эти постановления в жизнь претворены не были¹⁸.

Первые исповедные ведомости были составлены по инициативе митрополита Новгородского Кирилла в 1690 году. Эта мера была направлена на выявление «скрытых раскольников», которые не ходили исповедоваться в «никонианские» церкви. Б.Н. Миронов предполагает, что в дальнейшем составление ведомостей было поддержано в 1697 году как патриархом Адрианом, так и Петром I¹⁹. Выявленные приверженцы старой веры были обязаны платить повышенные подати, а неисповедовавшиеся — штраф «против доходу втрое». Это означает, что к прежней цели составления ведомостей, а именно проверке религиозной и политической лояльности жителей страны, добавились новые. Во-первых, государство получает новый источник сбора средств с населения. Во-вторых, исповедные ведомости становятся своего рода инструментом контроля над религиозной жизнью населения. Уплата податей должна была не только вернуть старообрядцев в лоно официальной Церкви, но и понудить православное население ежегодно посещать приходской храм (если оно по каким-то причинам этого не делало, что было особенно характерно для сельской местности с ее разбросанностью поселений и труднопроходимыми дорогами, а также для районов, где было много «новокрещеных»).

¹⁵ В среднем он объединяет около 30-40 приходских церковей, хотя состав самого маленького Китайского сорока в иные годы не превышал 10-ти храмов. По-видимому, сороки — явление специфично московское и в других городах не встречается. Оно прослеживается с середины XVI века: упоминания о сороках встречается в «Стоглаве» 1551 года (в тексте они названы «соборами»), но точная дата их появления неизвестна. По-видимому, состав сороков не был постоянен, а границы между ними могли существенно колебаться.

¹⁶ Китайский, или Китайгородский, сорок в 1750-е годы был самым маленьким сороком Москвы. Так, в 1755 г. в нем насчитывалось всего 20 приходов. К тому же он обладал своей спецификой: здесь сосредотачивалась торговля, следовательно, было много лавок и мало жилых дворов. Поэтому на протяжении всего столетия сорок то расформировывался таким образом, что его приходы распределялись между соседними сороками, то вновь создавался.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1-5, 20-24, 45-50. Из них наилучшим образом сохранились дела за 1741 год (№ 45 и 48), хуже — за 1740-й. В частности, в деле 22 по Никитскому сороку за 1740 год верхние части тех страниц, на которых значится название церковей, истлели, и зачастую не представляется возможным понять, о каком приходе идет речь.

¹⁸ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002. С. 305.

¹⁹ Миронов Б.Н. Исповедальные ведомости... С. 102.

Ведение исповедных ведомостей стало с начала XVIII века обязательным для всего белого духовенства страны. Указы от 8 февраля 1716 года и 17 февраля 1718 года обязывали приходских священников и старост составлять полный список исповедовавшихся, неисповедовавшихся и раскольников, копию с него предоставлять в духовные правления архиереям, а также в присутственные места для сбора штрафных денег. Указ от 16 июля 1722 года впервые вводил учет населения по отдельным дворам на территории всей России и разъяснял возникавшие в процессе составления росписей процедурные вопросы. Все эти предписания вызвали недовольство как духовенства, для которого составление книг было лишней обузой, так и прихожан, вынужденных платить за пропуск исповеди. С 1726 года подача исповедных (а с ними и метрических) ведомостей была отменена — с тем, чтобы возобновиться в 1728 году. В 1737 году правительство принимает ряд решительных мер по налаживанию системы церковного учета. Была выработана новая, более сложная, форма составления исповедных ведомостей; подкорректированная в 1742 году, она, как пишет Б.Н. Миронов, с небольшими изменениями просуществовала до 1917 года, когда ведение исповедных ведомостей на территории страны было официально прекращено²⁰. Следует отметить допущенную Б.Н. Мироновым неточность: формуляр исповедных ведомостей на протяжении столь длительного периода изменялся заметно. Например, уже через несколько лет после указа 1737 года к прежнему формуляру ведомостей добавилась новая важная деталь: метрические таблицы по приходам, а также доношение священника в Московскую Духовную консисторию об отправке ведомости²¹. К тому же сам Миронов упоминает о следующих изменениях: в 1841 году из ведомостей исключили столь неоднородную сословную группу, как «разночинцы», после 1861 года — группу «дворовых»²²; это не могло не отразиться на их формуляре. Следовательно, однородными за период с 1737 по 1860 год²³ можно считать лишь основные таблицы, в которых идет детальное перечисление жителей дворов прихода, в целом же формуляр исповедных ведомостей был подвержен значительным изменениям.

Итак, верховная власть последовательно проводила политику по возложению на духовенство обязанностей регистрации населения, направленную на удовлетворение интересов государства. Таким образом, Церковь все больше и больше включалась в государственную структуру. Начатая Петром I и приостановленная при Екатерине I, эта линия затем возобновилась и четко велась ее преемниками, пока не была окончательно закреплена при Елизавете Петровне в 1742 году.

Особого внимания заслуживает указ от 16 апреля 1737 года «О штрафах, положенных с уклоняющихся от исповеди и Святаго причастия и об обязанностях в сем отношении духовных и светских начальств»²⁴. Приходским священникам было приказано составлять «росписи» согласно определенной форме и отправлять их в духовное правление не позже Фоминой недели²⁵. После этого ведомости должны были отправляться: из Синодальной области в Духовную дикастерию (с 1742 года — Духовную консисто-

²⁰ Но в отдельных приходах ведомости могли составляться и в более поздний период. Более подробно см.: Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 102-105.

²¹ См., например: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 219. Исповедные ведомости церковей Замоскворецкого сорока за 1755 год. Л. 105 об.-106, 134-135 и др.

²² Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 105.

²³ Там же.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ). Т. X. (1737-1739). СПб., 1830. № 7226.

²⁵ Фомина неделя — это неделя, следующая за Пасхой. Таким образом, исповедные ведомости за определенный год должны были подаваться не позднее апреля-мая следующего года.

рию), а из епархий — в архиерейские дома. Там ведомости обобщались в генеральный экстракт²⁶ и отсылались далее в Синод.

Так как учет жителей велся подворно, указ настрого запрещал прихожанам исповедаться и ином приходе, чем тот, где они проживают²⁷. Впрочем, это положение трудно было полностью реализовать; отсюда — возможные недоучеты населения ведомостями. С другой стороны, многие горожане, особенно купцы и дворяне, могли на протяжении нескольких месяцев или даже лет отсутствовать в городе. В таких случаях указ предписывал человеку «исповедываться в тех местах, где он в отлучке будет <...> и от того священника, у коего он во отъездах исповедается, взять о том свидетельствующее за рукою его письмо, которое, возвратясь в дом свой, объявит приходскому своему священнику»... и исповедоваться у него вторично, чтобы «такими отъездами и извинением бывшей во отъезде исповеди не могли прикрываться раскольники»²⁸. Тех, кто не исповедовался три года подряд, автоматически записывали в раскольники.

Указ 1737 года повелевал, чтобы «всякого чина мужеска и женска пола люди, от семилетнее-возрастных и до самых престарелых, во дни Святыя четьредесятницы у отцов своих духовных исповедывались и приобщались Святых Тайн повсягодно»²⁹. Если кто по каким-либо причинам не успевал исповедоваться и причаститься в Великий пост³⁰, он мог это сделать в Петров или Успенский пост³¹. Если же он и тогда пренебрегал своей обязанностью перед Церковью, с него взыскивался штраф «без всякаго послабления».

Ранее уже упоминалось о факторах, которые могли влиять на точность исповедного учета. Горожане, записанные в приходе одного священника, могли иметь духовником священника из другого прихода. Сбору данных мешала постоянная миграция населения: переселяясь из одной части города в другую или даже на соседнюю улицу, человек автоматически становился частью паствы другого прихода — это не говоря о перемещениях между городами или между городом и деревней. Солдатские жены могли за год сменить 6-7 квартир — и оказаться записанными в 4-5 исповедных росписях (в том случае, если за год они исповедовались несколько раз). Можно указать и другие факторы, снижавшие достоверность учета населения³².

Ограничения в использовании данного источника связаны также со спецификой исповедного учета. Специфика эта в том, что он фиксировал наличное население приходов. То есть, во-первых, ведомости не дают сведений о лицах, на данный год отсутствующих по месту жительства³³. Во-вторых, они учитывают временно пребывающих в

²⁶ Генеральный экстракт представлял собой таблицу, в которой обобщались данные по епархии.

²⁷ Еще в XVII веке была широко распространена практика, когда человек, особенно горожанин, сам выбирал, в какую церковь ему идти — в приходскую или в соборную.

²⁸ ПСЗ. Т. X. № 7226. С. 118.

²⁹ Там же. С. 115.

³⁰ Великий пост, или Святая Четьредесятница — период литургического года, предшествующий Страстной седмице и празднику Пасхи. В связи с тем, что Пасха может попадать на разные числа календаря, Великий пост также каждый год начинается в разные дни. Обычно приходится на март — первую половину мая.

³¹ Петров, или Апостольский пост начинается через семь дней после праздника Троицы (Пятидесятницы). Начальная его граница подвижна и зависит от дня празднования Пасхи, поэтому продолжительность поста варьируется от шести недель до недели; оканчивается пост 12 июля, в день Петра и Павла. Успенский пост длится две недели, заканчиваясь 28 августа, в день Успения Богородицы.

³² См. жалобы петербургских священников, приведенные в публикации: Маркова М.А. Указ. соч. С. 107-108. Священники в своем обращении в Синод высказывали сомнения в том, что составленные исповедные росписи верно отражают действительность и приводили причины, затрудняющие регистрацию прихожан.

³³ Впрочем, когда речь идет о дворянах, минимальные сведения обычно приводятся. Чаще всего указывается род занятий, имя и фамилия владельца двора. Иногда даются более подробные сведения, например:

городе лиц разных сословий. В-третьих, за их рамками остается все неправославное население. Тем не менее, Б.Н. Миронов, сравнивая церковный учет с ревизским и административно-полицейским учетом, приходит к выводу, что его точность была достаточно высока³⁴. Эта оценка аргументирована, но требует уточнений. Так, нельзя говорить о высокой или низкой точности исповедных ведомостей, не учитывая особенностей того региона, по которому они составлены. Точность московских исповедных ведомостей, несомненно, выше, чем в целом по стране. Во-первых, потому, что московские священники должны были быть более грамотны, чем провинциальные, а значит, допускали меньше ошибок при учете населения. Во-вторых, их приход не был столь необъятен, как приход какой-нибудь сибирской деревни³⁵, а, напротив, отличался компактными размерами. К тому же на одного священника приходилось вполне обозримое количество прихожан — а значит, он должен был хорошо знать большинство из них, и ему было труднее ошибиться. Тем не менее, оценка полноты и достоверности исповедных ведомостей должна производиться для записей каждого священника по отдельности³⁶.

Каковы же основные достоинства исповедных ведомостей как исторического источника? Во-первых, ведомости дают сведения о численном, половозрастном и социальном составе населения. Причем поскольку они составлялись отдельно по каждому городу и уезду, постольку на столе исследователя оказываются данные о численности и социальной структуре православного населения по конкретному городу и уезду, а в конечном счете — по епархиям и по стране в целом. Важно помнить, что исповедные росписи велись погодно. Следовательно, с 1740-1750-х годов, когда Синоду удастся наладить их регулярный сбор и присылку из епархий, по ним можно проследить динамику изменений в составе как приходского населения, так и самих приходов. В частности, московские исповедные ведомости (рассматриваемые наряду с метрическими книгами) дают возможность выявить поприходный состав и населенность каждого сорока, а также границы занимаемой им территории на протяжении 1737-1917 годов.

Во-вторых, начиная с 1737 г., исповедные ведомости фиксируют лиц обою пола. Это крайне важно, так как в других материалах учета населения лица женского пола начинают фиксироваться с более позднего времени: ревизскими материалами — с 3-й ревизии (1763 г.); в метрических же книгах до 30-х годов XIX века, как правило, не было указано имя матери³⁷. К этому примыкает следующее достоинство источника: ведомости охватывают прихожан всех возрастов, включая пожилых и старых людей, живущих во дворах или церковных богадельнях, а также детей до семи лет — то есть до того возраста, начиная с которого они должны были исповедоваться. Таким образом, исповедные росписи — уникальный источник, по которому виден полный состав населения двора. Это позволяет сравнить социальный состав, скажем, мещанской и дворянской усадьбы в тот или иной период. Это делает возможным выявление наиболее обеспеченной части дворянства и купечества, выяснение состава всех служб, расположенных на территории дворянского родового гнезда (в тех случаях, когда перечисляются занятия служителей: дворецкие, повара, конюшие, псары и т.п.). По итогам анализа исповедных ведомостей становится заметно, представители каких сословий соседствовали в

«Двор капитана Петра Иваныча сына Пазухина. В Москве не имеется и с женою и с детьми и со служители обретается в городе Костроме воеводою» (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 48. Л. 173 об.)

³⁴ Миронов Б.Н. Исповедальные ведомости... С. 114.

³⁵ См.: Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990.

³⁶ Так, некоторые священники детально приводят состав каждого двора своего прихода, но не отмечают, кто был или не был у причастия, ограничиваясь лишь записью о выявленных раскольниках. Такова роспись прихода замоскворецкой церкви Иоанна Предтечи под Бором за 1741 год (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45).

³⁷ Щербачев О.В. Указ. соч. С. 25.

рамках одного прихода, оценив, таким образом, его социальный состав и увидев вочию, где предпочитали селиться мастеровые и торговцы, а где — сливки аристократии. Можно узнать, представители каких социальных групп вносили больший вклад в дела благотворительности, привечая на своем дворе нищих и убогих, а также выяснить, какой состав семьи был наиболее характерен для представителей данного сословия. Наконец, на основе данных ведомостей легко подсчитывается, какое количество православного населения жило в данном городе/уезде/епархии.

Еще один важный момент: исповедные ведомости учитывали все категории населения — как податные, так и неподатные³⁸. Это дает возможность пополнить данные других источников — в частности, ревизских сказок — при воссоздании модели социального взаимодействия жителей прихода/города/уезда.

К несомненным достоинствам этого источника следует добавить и то, что исповедные ведомости за XVIII век (по крайней мере, по Москве и Московской губернии) сохранились лучше, чем, скажем, метрические книги, которые также велись погодно.

Перейдем к структуре исповедных росписей, которая была четко задана указом 1737 года. Сначала должна была идти собственно роспись, записи в которой располагались по дворам. Для каждого двора указывалось, кто его владелец; далее подробно шли члены семьи владельца (иногда весьма многочисленной) с указанием родства; дворовые люди, они же служители (если они проживали в данном дворе); квартиранты; наемные работники; была также особая категория людей, живущих на дворе из милости: солдатские жены и вдовы, а также престарелые люди и сироты. Каждого человека должны были записать под порядковым номером (отдельный для мужчин и женщин) с приведением его имени, отчества (или имени отца), прозвища, рода занятий, пола и возраста; напротив его имени ставилась отметка в одной из трех граф (кто был у исповеди и у причастия; кто только исповедовался, но не причастился — с указанием причины³⁹; кто не был у исповеди). Фактически род занятий зачастую обозначали лишь напротив имени дворовладельца, что ограничивает масштаб извлекаемой из источника информации.

Ведомости следовало вести, «не смешивая чин с чином», то есть сначала указывать священников и членов их семей, потом военных, приказных, посадских и т.д. На деле принцип расположения людей в порядке их сословной принадлежности соблюдался далеко не всегда (скажем, в ведомости по Замоскворецкому сороку за 1741 год⁴⁰ он соблюден в 7-ми приходах из 28-ми, а по тому же сороку за 1755 год⁴¹ — уже в 18-ти из 37-ми).

После росписи следовала итоговая таблица. Она объединяла всех людей прихода в семь социальных категорий (было бы неправильно говорить о сословиях, так как границы этих категорий не совпадают с сословным делением): «духовные», «военные», «приказные», «разночинцы», «посадские», «дворовые» и «поселяне» (они же «крестьяне»). Внутри этих категорий отдельно дано число взрослых мужчин и женщин, отдельно — детей «мужеска и женска полу». Таблица также разделена на три графы, где отмечалось количество исповедовавшихся и причастившихся, только исповедовавшихся и не бывших у причастия. В конце таблицы, особняком, могли быть приписаны ста-

³⁸ В этом состоит важное отличие исповедных ведомостей от ревизских сказок. В.М. Кабузан склонен более доверять данным ведомостей относительно численности неподатных групп населения, так как податные категории учитывались этим источником не в полной мере. Подробнее см.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 83.

³⁹ Самое распространенное обоснование того, почему человек не причащался — «по совету духовника». Могли быть и другие причины: «за отлучкою», «за нерадением» (или «по лености»), «за малолетством», «за пьянством» и т.п.

⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45.

⁴¹ Там же. Д. 219.

рообрядцы — если таковые были выявлены священником⁴². После таблицы шло краткое заключение, текст которого был стандартен и зависел от того, есть ли на территории прихода старообрядцы или же их нет. Указ давал также образец составления генерального экстракта (то есть таблицы, содержащей обобщенные сведения по городам и уездам, и отсылавшейся в Синод). Как уже было указано, позже формуляр ведомостей пополнился метрическими таблицами по приходам (располагались после итоговой таблицы) и доношением священника в Московскую Духовную консисторию об отправке ведомости. В метрической таблице указывалось число родившихся, бракосочетавшихся и умирающих прихожан, а также возраст умирающих людей «мужеска полу».

Поскольку материалом для составления итоговых таблиц служили исповедные росписи, их сильные и слабые стороны в основном совпадают. Но у таблиц есть и свои особенности. Так, представители дворянского сословия могли быть отнесены к одной из трех категорий: «военные», «приказные» или «разночинцы». Категория «разночинцев» вообще крайне интересна: сюда попадают дворяне, дети боярские, городовые, служилые, ямщики, рассыльщики, сторожа, «архиерейского дому и монастырских разных служб служители», отставные солдаты (которых правильнее было бы отнести к военнослужащим), а также многие другие группы населения, которых нельзя приписать ни к одной из прочих категорий. Важно помнить о том, что составители ведомостей могут по-разному понимать, каких чинов людей включать в ту или иную категорию. Подобное отсутствие унификации создает путаницу в подсчетах.

Некоторые категории делятся на более мелкие разряды. «Духовные» делятся на протопопов и попов, дьяконов, иподьяконов, певчих, дьячков, псаломщиков и пономарей. «Военные» — на штаб- и обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых солдат. «Приказные» — на секретарей, протоколистов, переводчиков, актуариусов, регистраторов, канцеляристов, подканцеляристов и копиистов. «Посадские» — на собственно посадских и цеховых. В связи с этим бросается в глаза, что в категории «поселян» не выделяется никаких групп: и помещичьи, и дворцовые, и государственные крестьяне оказываются слиты воедино. Точно так же отсутствует разделение на группы такой неоднородной категории, как «разночинцы».

В целом, исповедные ведомости — источник в высшей мере информативный. Несмотря на ограничения, связанные с особенностями его составления, он может быть использован при социально-экономических, культурологических, генеалогических и прочих исследованиях. В ряде случаев это уникальный источник по истории семьи и брака, существования и взаимоотношения представителей различных социальных групп, по быту и функционированию городских и сельских усадеб, по истории приходов тех или иных храмов и сороков Москвы. Исповедные ведомости позволяют увидеть разные уровни существования того или иного населенного пункта — город/село, сорок, приход, двор, а также дают возможность понять закономерности в распределении православного населения по его территории. Невзирая на то, что формуляр ведомостей с течением времени изменялся, по ним возможно проследить те социальные, бытовые, территориальные изменения, которые происходили в конкретном городе/уезде или же на территории всей страны в течение периода от 40-х годов XVIII до начала XX века.

⁴² Поражает количество выявленных старообрядцев: оно очень невелико. Так, из 28 приходов Замоскворецкого сорока в 1741 году они были выявлены лишь в пяти. Из более чем 14-ти тысяч проживавших в сороке людей староверами оказались всего 12 человек!

С.В.Алексеев
Опыт научной агиографии

Володихин Д.М. Митрополит Филипп. — М.: Молодая гвардия, 2009. — (Жизнь замечательных людей).

Среди многочисленных споров, идущих в российском обществе, есть некоторые, казалось бы, давно относящиеся к ведомству высокой науки. Но тем не менее привлекающие неослабный интерес самой широкой публики — и искреннее, пылкое стремление к соучастию. Науке исторической в этом плане повезло — или «повезло» — особенно. В истории ищут белые и черные полосы, идеалы и ужасы, поводы для всенародных триумфов и всенародных же проклятий. Процесс, наверное, естественный — но подчас мешающий вдумчивой работе исследователя.

Объяснимо, когда поводом для ожесточенной полемики становится история недавняя. Менее объяснимо — когда рецепты и оценки для дня сегодняшнего отыскивают в событиях четырехсотлетней давности. Все последние годы всегда привлекавшая своей величием эпоха Ивана Грозного является темой как раз такого, жаркого, пламенеющего диспута. Имена деятелей того времени, начиная с самого царя, оказываются на штандартах политических и религиозных движений. Естественно, отзываются и люди культуры — менее чем за пять лет появились, наверное, десятки произведений самых разных жанров и качества, посвященных событиям и людям XVI в. Не менее естественно и то, что пытаются вставить свое веское слово в дискуссию люди науки. Представляется, что при всей яркости художественных образов именно ученых и следовало бы послушать в первую очередь. Во всяком случае, именно историческая наука, опираясь на подлинные источники, дает нам возможность приблизиться к осознанию подлинной реальности прошлого. И только так можно оценить прошлое спокойно и трезво. А там уже и найти в нем подлинные, заслуживающие того источники вдохновения. Как и подлинные образцы для подражания — как находила образцы Русь веками в житиях православных святых.

Московский историк, доцент МГУ Дмитрий Володихин занимается историей допетровской России не первый год. Эпоха Ивана Грозного привлекает его особо, и теперь Володихин — автор уже целой серии книг и научных статей о XVI столетии. Еще в 2006 г. вышла работа «Иван Грозный: Бич Божий», где ученый впервые сформулировал общий свой взгляд на грозненскую эпоху. Исследование военной элиты той поры, коему уже в «Иване Грозном» уделялось немало внимания, вылилось в конечном счете в книгу «Воеводы Ивана Грозного», которая увидела свет в начале этого года. Другая важнейшая и, пожалуй, центральная для авторской оценки событий тема «Ивана Грозного» — взаимоотношения царя и Церкви. И из исследования этой темы выросла новая работа, «Митрополит Филипп», вышедшая ныне в известнейшей и заслуженным уважением пользующейся серии «Жизнь замечательных людей».

Для православного историка — а своего мировоззрения Володихин ни в одной, самой академической работе не скрывает — написание «биографии» святого представляет известную трудность. С одной стороны, у житийного, агиографического жанра свои каноны и требования. А любое специальное описание жизни святого верующим в его святость человеком — вольно или вольно, сознательно или несознательно для автора — есть житие. Средневековая русская (и вообще христианская) литература не знала никакой «светской биографии» святых. Если «биография» святого входила составной

частью, скажем, в исторический труд — как в «Степенную книгу» входили жизнеописания святых князей, — то такой текст все равно оставался житием. Очевидно, и поныне в известном смысле остается — для христианина. Если он верит в святого как в образец святой жизни, и ставит задачей написать о святом истину (и эту истину тоже) — значит, он выступает в роли агиографа, признает он это или нет.

С другой стороны, современная профессиональная наука, вооруженная новейшими методами анализа и критики первоисточников, кажется весьма далеко ушедшей от житийного жанра. Почти невозможно современному ученому написать о человеке средневековья подлинно научное и в то же время гладкое, без сомнений, с приятием на веру всей традиции повествование. Более того — сомнения, принятие и отторжение первоисточников, поиск более достоверных вариантов просто обязаны отразиться в тексте. Иначе и сам текст, и его автор оказываются вне научного поля — а в наиболее сложных случаях даже и вне научно-популярного.

Таким образом, перед историком-христианином, стремящимся создать жизнеописание святого, два немалых искушения. Либо отставить в сторону науку и пересказывать житийную традицию, возбуждая естественное недоверие у ценителя научного знания. Либо принципиально «не писать жития», отталкиваясь от своих первоисточников, подчеркивая отличие своего подхода от житийного — что может привести к избыточному критицизму. И это еще не все трудности. Стоит сказать, например, что современный биографический жанр с его психологизмом, стремлением вжиться в мотивы персонажа, «понять» его для себя и читателя тоже довольно далек от древней агиографии.

Немногим удавалось избегать крайностей, приближаясь к некой золотой середине. Володихину — удалось. Во всяком случае, «Митрополит Филипп» — и научная монография, и живое, захватывающее внимание читателя популярное повествование, и сказание о русской святости. Одновременно, в неразрывной взаимосвязи. Автор может анализировать и критиковать первоисточники — оставаясь верным им в сути, в главном. Воссоздавать историческую истину — и доказывать ею истины веры.

Автор досконально изучил все источники, повествующие о жизни митрополита Филиппа. Предоставляет он судить о них и читателю, характеризуя средневековые жития, летописи, акты, записки иноземцев. Из этого пестрого, подчас фрагментарного материала Володихин сплетает живой и достоверный образ своего героя. Вот молодой боярин Федор Колычев — о котором известно очень немного. Вот рачительный настоятель Соловецкой обители — собственно, и сделавший ее тем славным, духовно и материально богатым центром русского Православия, который вошел в историю России. Вот митрополит Московский и всея Руси, глава Русской Церкви, — не побоявшийся от ее имени бросить вызов Грозному царю, встать на защиту нравственности и справедливости. Вот ссыльный старец, ожидающий своей судьбы в монастырской келье и мужественно встречающий смерть. А вот — судьба посмертная, прославление Церковью во святых и почитание русским людом.

Столкновение митрополита и царя, конечно, — одна из главных тем книги. Одна из... — поскольку устройению Соловецкой обители места уделено немногим меньше. И тем не менее, именно своим противостоянием опричнине и мученической смертью Филипп вошел в историю. Володихин не ограничивается констатацией фактов — хотя и воссоздает их во всей полноте, что уже немало стоит. Он дает свою оценку — и она достаточно однозначна. Не существует в природе источников, позволяющих перетолковать сам ход событий — Филипп действительно противостоял политике Грозного и погиб, в конечном счете, из-за этого. Противоположные суждения — фантазии на исторические темы, основанные только на внутреннем убеждении авторов. Какое расхождется и с данными исторической науки, и с Преданием Церкви.

Итак, противостояние было — в оценке же его современный историк также вполне сходится с вековой традицией, но подкрепляя свои выводы твердыми основаниями. Филипп был прав перед Богом, прав с нравственной точки зрения — ибо нет оправдания несправедливым расправам, в том числе над заведомо невиновными. Но прав он был — это убедительно показано во всех работах Володихина — и с точки зрения государственной, на которую упирал и Иван Грозный в XVI столетии, и его апологеты в XXI. Даже если бы опричный террор был справедлив — очевидно, что целей своих опричнина не достигла. Последствия ее хорошо известны и довольно плачевны — крымцы у стен Кремля, разор Русского Севера, неуспехи в Ливонской войне (а в конечном счете, и грядущее поражение). Разве сам Грозный царь не отказался от провалившейся военно-карательной системы?

Описывая гибель митрополита, Володихин анализирует прежде всего две вероятности, о которых сообщают источники — убийство по приказу Ивана Грозного и самовольство Малюты Скуратова. Что касается убийства некими таинственными врагами царя, то эта версия совершенно справедливо отвергается как не имеющая в источниках никакого основания. Представляется даже, что автор слишком много места уделил ее опровержению — она все-таки принадлежит не истории, а литературной конспирологии, в источниках (и в полемике) не нуждающейся. А вот анализ реальных данных приводит Володихина к выводу о маловероятности царского приказа. Ход рассуждений историка представляется основательным. Только вот сам Володихин обращает внимание и на то, что скорый на подозрения царь Малюту не только не наказал, а осыпал милостями.

Вообще, взгляд Володихина на личность Грозного представляется довольно трезвым. Царь у него — отнюдь не кровавый маньяк (к постановкам диагнозов через века автор вообще относится скептически) и в то же время далеко не идеал православного правителя. Яркая, величественная, одаренная от Бога личность — но и человек, одержимый гордыней, жестокий, склонный к гневу и гневным решениям. Оттого и деспот — оттого и гонитель святости — оттого в итоге и не слишком удачливый правитель. Не ангел и не бес — человек. Жаль только, что эта позиция не будет пока что популярна в нашем общественном сознании, любящем черно-белую фэнтези на исторические сюжеты.

Конечно, никакая большая научная работа не может обойтись без недостатков. И в данном случае не со всеми выводами, гипотезами, оценками автора можно согласиться. Так, большие сомнения вызывает как авторская оценка личности известного «нестяжателя» XVI в. Артемия, так и гипотеза о помощи, оказанной ему настоятелем Филиппом в побеге из соловецкого заточения. С одной стороны, полнота сведений источников о еретических взглядах Артемия, за кои он был осужден соборно, вызывает некоторые сомнения — как и искренность его постулируемого Володихиным покаяния. Вообще, движение «нестяжателей» заслуживает самого пристального внимания исследователей — свободного от созданной еще дореволюционными учеными светлой идиллии. С другой стороны, помощь со стороны будущего митрополита тайному побегу, вопреки ясной соборной воле, не подтверждается прямо никакими источниками. Приводимые же Володихиным косвенные свидетельства и умозаключения «от обстоятельств» можно оспорить.

Не менее чем «нестяжателей», многие дореволюционные ученые как славянофильского, так и либерального толка романтизировали староверов XVII столетия. Эта традиция жила в советской науке и литературе, воскрешается и сейчас. Володихин, на мой взгляд совершенно прав, оспаривая ее в главе, посвященной канонизации святого Филиппа будущим патриархом Никоном. Но в то же время ученый, думается, идет и на некоторый компромисс, не только осуждая патриарха-реформатора за излишнюю

жесткость и честолюбие, но и сравнивая его с царем Иваном Грозным. Не считаю последнее справедливым. Царь Иван — к добру и к худу — творил действительно беспрецедентные для Руси вещи, вводя новшества, не вводившиеся никем из его предшественников. Если он надеялся, что реформы его не встретят сопротивления, и потому гневался на противников сверх меры — то был наивным политиком. Никон затеял дело в целом для православного мира тривиальное — частичную реформу богослужения. Он имел по меньшей мере моральное основание надеяться на смирение большинства оппонентов. И во всяком случае не было никаких оснований ожидать массового бунта церковных низов против воли практически всего чиновничества. Да еще во главе с теми, кто сам боролся прежде за книжную «справу», за реформу, пусть и (отчасти) иного рода. Именно раскол Церкви снизу, а не реформы Никона, был делом невиданным, беспрецедентным для Руси и православного мира. Именно гнев и ревность раскольников заслуживает большего сопоставления с гневом и ревностью Грозного царя. Едва ли следует сопоставлять с ним прославившего святого Филиппа патриарха или от лица Московского царства принесшего святому покаяние Алексея Тишайшего. Внешнее сходство — массовые и жестокие репрессии власти — не всегда повод для прямых параллелей. Россия Ивана Грозного не пережила еще Смуты, он видел лишь частные боярские склоки да один кровавый мятеж в Москве 1547-го — и в его походе на Новгород крови лилось гораздо больше. Россия Алексея и Никона, едва оправившись от одной гражданской войны, оказалась на пороге другой. Церковное неповиновение в этих условиях могло слишком дорогого стоить, чтобы прощать тех, кто объявлял царя антихристом в буквальном смысле слова.

Взвешенностью и полнотой отличается разбор мнений российских историков, дореволюционных и советских, о столкновении Филиппа и Грозного. Особенно ценным (судя по объему, и для автора) является анализ воззрений на вопрос известного религиозного философа, историка и публициста Г.П.Федотова. Володихин справедливо вскрывает подлинную сущность положительной оценки Г.Федотовым выступления Филиппа. Нам показан поиск интеллигентом-февралистом в деяниях святого образца для обличения «тирании», для некоей политической программы. Однако при этом странно и просто ошибочно трактовать иначе оценку Филиппа в «Истории Русской Церкви» А.В.Карташева, министра Временного правительства. Несомненно, ко времени написания своего главного труда А.Карташев многое успел переосмыслить в русской и церковной истории. Но базовая основа его восхищения святым Филиппом — едва ли иная, чем у Г.Федотова. Эта одна школа мысли во всех отношениях — во всяком случае, данный факт заслуживает упоминания и более подробного анализа, а не упоминания Карташева вскользь среди сторонников традиционной, «житийной» точки зрения.

Но что бы ни вызывало сомнение в трактовках Д.М.Володихина, книга его есть вполне состоявшееся научное исследование — и вполне состоявшееся, традиционно для серии «ЖЗЛ», научно-художественное жизнеописание. Последнее неудивительно — Володихин давно уже зарекомендовал себя мастером пера, и преуспел на литературном поприще. Стоит заметить, что именно среди литературных его трудов находим мы первое обращение к образу святого — драму «Митрополит Филипп». И вот теперь — подробная, научно выверенная и достоверная биография. В известном смысле житие — но адресованное современному, в том числе и скептически настроенному читателю. В беспокойный мятущийся век, ищущий идеальные образы в кабинетах власти, а то и в камерах пыток, а не в монашеских кельях. Как знать — может быть, книге Дмитрия Володихина все же удастся напомнить кому-то о том, что возможно иное...

С.В.Алексеев
Голоса эпохи

Кудрина Ю.В. Мария Федоровна. — М.: Молодая гвардия, 2009. — (Жизнь замечательных людей).

Книга Ю.В.Кудриной «Мария Федоровна» — плод длительных исследований по истории дома Романовых в начале XX в. и биографии последней императрицы-матери. Достаточно обратиться к приведенному в конце книги объёмному списку публикаций автора по теме книги на русском, английском, немецком, датском и финском языках, чтобы понять это. Важнейшей заслугой Ю.В.Кудриной явилось введение в научный оборот и издание дневников и переписки Марии Федоровны — важнейших источников по истории России описываемого времени. Обширный, долголетний опыт и высочайшую квалификацию исследовательницы, несомненно, следует держать в уме, оценивая и данную ее работу.

Самой сильной стороной этой книги как раз и является то, что автор предоставил слово живым голосам истории. Значительный объём биографии составляют письма и дневники, цитаты из документов и воспоминаний. Там, где этого нет, излагаются просто факты «как они есть» — на основе тех же источников. Мы видим судьбы императорского дома и лично Марии Федоровны глазами её современников — и судьбу России её глазами. Голос автора почти не слышен — автор сознательно ограничивает себя ролью хроникёра, археографа и источникововеда, и в этой роли автор сильнее всего. В итоге перед нами развёртывается детальная картина фактической истории — где оценки предоставляются нам самим. Наверное, так и следует писать историю России конца XIX и XX столетия — поры, время объективного и отстранённого анализа которой ещё явно не пришло. Но перед нами всё-таки и биография, обращённая к массовому читателю — и отнюдь не страдающая от недостатка «живости». Напротив, обращение к источниковому материалу позволяет автору проследить когда обыденные, а когда по-настоящему захватывающие и трагичные перипетии жизни своей героини во всех деталях — до диалогов или бытовых мелочей.

Но избранный жанр накладывает и определённые ограничения. Историк, работая в нём, иногда просто вынужден обращаться к читателю через голову источника. Да и трудно человеку нашей эпохи, тем паче сжившемуся за годы изучения со своим героем, упустить возможность для оценки всё ещё кровоточащих в памяти России событий. И подчас голос автора раздаётся громко. Может быть, даже слишком громко — ибо весьма нередко в таких случаях с мнением Ю.В.Кудриной можно было бы поспорить. Едва ли историк-профессионал будет об этом сожалеть — хотя отдельные оценки автора нельзя не признать более чем просто спорными. Так, сильные сомнения лично у меня вызвало рассуждение о превосходстве датского конституционализма над российским самодержавием. Императрице Марии позволительно было, может быть, не вполне осознавать различий в исторических судьбах — да просто в размерах и численности населения своей родины и своей державы. Ей могло казаться, что подходящее для Дании годится и для России. Но может ли так казаться современному учёному? Мне кажется, что трагизм ситуации был для империи не столько в отставании от Запада, сколько в отсутствии понимания того, что по его пути Россия идти вообще не может. Впрочем, сознаю, что и эта позиция для кого-то спорная.

Думается, что перед нами одна из лучших новейших книг, посвященных истории России первых десятилетий XX века. Достойный труд, знакомство с которым будет полезно любому историку и расширит знания всех, интересующихся этой трагической для нашей страны эпохой.